

ИНТЕРВЬЮ С ЮРИЕМ ЛЬВОВИЧЕМ КРОЛЕМ

*Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000
«Китаеведение – устная история»,
Международный конкурс РГНФ – Национальный научный совет Тайваня (ННС)*

Interview with Dr. Yury L. Krol

*The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History»,
International Academic Contest by RHSF (Russia) – National Scientific Council
(Taiwan)*

<p>Кроль Юрий Львович (ЮК) Китаевед, д.и.н., Ведущий научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН</p> <p>Специалист по истории древнего Китая Дата: 29 июня 2014 г. Место: г. Санкт-Петербург Вёл интервью: Головачёв В.Ц. (ВГ) Сноски: ВГ, Кузнецова-Фетисова М.Е. кин, снс, отдел Китая ИВ РАН Продолжительность: 3 часа</p>	<p>Yury L. Krol Sinologist, Full Doctor (History) Leading Research Fellow, Institute of Oriental Manuscripts (Russian Academy of Science) Expert on Ancient History of China Date: June 29, 2014 Place: S.-Petersburg Hosted by: Valentin C. Golovachev, PHD (Hist.), Sr. Research Fellow, IOS RAS Footnotes: Valentin Ts. Golovachev Duration: 3 hours</p>
--	---

Кроль Юрий Львович (09.08.1931–01.12.2021). Китаевед, д.и.н. (1992). Родился в Ленинграде. Окончил Востфак ЛГУ (1954) и аспирантуру при Востфаке ЛГУ (1954–1957) по специальности история древнего Китая. В последний месяц аспирантуры зачислен в штат Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Защитил кандидатскую диссертацию по древнекитайской (ханьской) историографии «Сыма Цянь – историк падения династии Цинь» (1963) и докторскую диссертацию по истории идеологии ранней китайской империи (Западная Хань) «“Спор о соли и железе” – памятник китайской культуры эпохи Хань» (1992). В 1986–2014 гг. – ведущий научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР / ИВР РАН. В 1984–1991 гг. – руководитель Ханьской группы Сектора историографии и источниковедения Китая и

Центральной Азии. Научная деятельность и публикации Ю.Л. Кроля в основном посвящены политической и экономической истории древнекитайских империй Цинь и Хань, их идеологии, политическим и правовым институтам, отношениям Китая 3 в. до н.э. – 1 в. н.э. с сюнну; китайской протонауке эпохи Хань – историографии (в первую очередь ранним «образцовым

историям» «Ши цзи» и «Хань шу» и их источникам), географии, экономическим идеям, а также традиционной (в т.ч. ханьской) метрологии; ханьской философии (в частности, эклектическому даосизму, конфуцианству и легизму); ханьской литературе и культуре (включая культурное явление спора и культурные представления о пространстве, времени, партикуляризме и универсализме, единстве, причинности, а также связанные с последним концепции «рода» (лэй), «образца» и др.). Кроме того, участвовал в составлении каталога фонда китайских ксилографов СПбФ ИВ АН СССР и (в соавторстве) разработал для него систему классификации книг на основе традиционного представления о четырех разделах литературы; занимался исследованием поговорок сехоуэй в пекинском фольклоре и историей отечественного востоковедения (почти исключительно китаеведения) в XX веке (в частности, на основе архивных данных). В сентябре 1989 – марте 1990 гг. проходил стажировку в КНР. В сентябре 1994 – мае 1995 гг. занимался научной работой в США (Висконсинский университет, Мэдисон) по гранту Айрекса. Ю.Л. Кроль – член Европейской ассоциации китаеведов (EACS). Выступал с докладами на ее конференциях в Веймаре (1988), Париже (1992) и Москве (2002), а также на Скандинавском семинаре по китаеведению на о. Сейли близ Турку (1989), на 12-ой международной конференции по изучению идей И. Тхвэгэ в Москве (1990). Прочел лекцию в Институте изучения и публикации древних книг при Пекинском университете (1990), 2 – в Свободном университете Берлина (1992), 5 – в университетах США: Калифорнийском (в Санта Барбара и Беркли), Пенсильванском, Чикагском и Принстонском (1994–1995), 2 – в Мюнхенском (1995, 2005), 2 – в Стокгольмском (1999), 2 – в Боннском (2005) университетах.

Текст интервью:

ВГ: Здравствуйте, Юрий Львович!

ЮК: Здравствуйте, Валентин!

ВГ: Как-то особенно приятно встретиться с Вами, потому что в своё время Вы тоже посвятили немало времени и сил изучению судеб своих учителей и коллег – китаеведов. А сегодня теперь уже мы обращаемся к Вам, как старшему коллеге и предшественнику, чтобы продолжить начатое Вами дело, поговорить о Вашей судьбе и о судьбах советского китаеведения. Для начала прошу Вас коротко представить себя читателям нашего интервью.

ЮК: Во-первых, меня зовут Юрий Львович Кроль (а свои тексты на латинице я подписываю Jurij (или J.) L. Kroll. Я начал заниматься Китаем и интересоваться им в 1949 году. Это был год моего окончания школы и поступления в университет. Я

поступал в университет неудачно. У меня была в течение довольно длительного времени (если можно говорить о таком выюноше – слово «длительный») интерес к истории древности и средних веков, в первую очередь – средних веков.

ВГ: Простите, позвольте предварить экскурс в средние века вопросом о Вашем личном «осевом времени». Где и когда Вы родились? Вы коренной ленинградец?

ЮК: Коренной. Я родился в Ленинграде в 1931 году, в еврейской семье. Не знаю точно, где мой дед и бабушка венчались. Во всяком случае, на бабушкином обручальном кольце, которое у меня недавно пропало, было написано, что это был 1898 год. И даже число точное было выгравировано.

ВГ: Выходит, несколько поколений Ваших предков жили в Петербурге?

ЮК: Да, начиная с деда. Вообще, как Вы знаете, тогда существовало ограничение права жительства. Но так как дед окончил Московский Университет и был врачом, то он жил здесь, в Петербурге. Мы жили в рабочем районе, который называется Охта. Это как раз напротив Смольного собора, на другом берегу Невы. Поэтому у нас роскошный вид был с балкона нашего дома. А дом был старый, конца XIX в.

ВГ: Вашего отца звали Лев, и по гороскопу Вы тоже – Лев?

ЮК: Я Лев по гороскопу. Но должен сказать Вам, что судьба отца была очень грустной. Он довольно долго жил вне России. Где-то в 1910 году он переехал за границу, жил в Париже. Отец был художником, хотел учиться. И возможность учиться, по-видимому, появилась у него как раз в «Русской академии» в Париже (есть москвичка, историк искусства по фамилии Шацких, которая профессионально занималась этой Академией). Это были те же годы, когда там находился Шагал. Думаю, что они знали друг друга. У них потом были возможности познакомиться и в Москве, какое-то время до отъезда Шагала за рубеж. Короче говоря, в 1938 году отца расстреляли. Потом передо мной, так сказать, извинялись. Но, что значит, извинялись? Извинялись так, как умеет извиняться наше государство. То есть, отца реабилитировали.

ВГ: После ареста отца вы остались с мамой?

ЮК: Я остался с мамой. И когда началась война, так как моя мама работала в Эрмитаже, я уехал в эвакуацию вместе с ней. Уехал на том самом поезде, в первом эшелоне, который вышел отсюда 1 июля 1941 года.

ВГ: Насколько я знаю, вас эвакуировали на Урал.

ЮК: В город Свердловск. Сейчас он называется Екатеринбург. И я там жил во время войны и большую часть 1945 года. Где-то в начале лета... нет, осенью 1945... мы вернулись в Ленинград вместе с Эрмитажем. В эшелонах, в которых я ехал туда и обратно, перевозились сокровища Эрмитажа. 1-й эшелон был оснащён зенитными батареями, там была усиленная охрана. А в Свердловске Филиал Эрмитажа вел себя активно. Например, я помню, что однажды эрмитажники сделали выставку, которая называлась «Военная доблесть русского народа». Была война, поэтому и устроили такую выставку...

ВГ: Наверно, вы были хорошо знакомы с другим «эрмитажным» ребёнком, Анной Григорьевной Беловой, которая работает в нашем институте, в ИВ РАН?

ЮК: Аня Белова. Конечно, мы прекрасно знаем друг друга! Мы все были вместе. Её папа там находился.

ВГ: И вы вместе играли на лестницах, среди ящиков с экспонатами?

ЮК: Ну, я не помню, играли на лестницах или нет. Тем более, что иные мои игры едва ли были по вкусу благонаправной девочке, особенно с тех пор, как мой брат переслал мне некоторое количество взрывчатки (здесь, в Питере, её было полно). Я сделал роскошную «бомбочку» и спустил её с 5-го этажа.

ВГ: Чем вы ещё занимались там, кроме пиротехники?

ЮК: Я там учился, в эвакуации.

ВГ: Как звали вашу маму, и чем, какими коллекциями она занималась?

ЮК: Её звали Александра Ефимовна Кроль. Она занималась английским и скандинавским искусством. Начинала она с итальянского, но была арестована

женщина, которая занималась итальянским искусством, и мама не пожелала занять еще тёплое место другого человека. Как звали ту женщину, я не знаю, и уцелела ли она, я не знаю. А одну эрмитажницу, которая прошла через Соловки, я хорошо помню...

ВГ: Повлияла ли мама (хоть как-то) на ваш выбор профессии?

ЮК: Нет. Думаю, она повлияла лишь косвенно. Дело в том, что я никогда не знал истории Китая и не интересовался ею, это было далеко от меня. Близки были русская и европейская история, литература и искусство. Я участвовал в олимпиадах по этим предметам и был победителем одной, а скорее двух или трех олимпиад. Однажды какой-то профессор-историк, который курировал эти олимпиады, сказал мне: «Я бы хотел, чтобы у меня был такой студент!» Когда меня не взяли в университет (а был такой момент, что меня не взяли – недостаточно хорошие отметки были, не прошел по конкурсу), я встретил его там и спросил: «Не можете ли Вы как-то помочь?» Он сказал: «Совершенно не могу!» Потому что он уже был не у дел. Может, оттого, что имел достаточно самостоятельные взгляды? Во всяком случае, насчёт того, кого брать, а кого не брать, тут он был бессилен.

ВГ: Китай был слишком далеко. И всё же, помните ли вы, когда и как впервые узнали о существовании Китая?

ЮК: Я думал над этим вопросом, но ничего толком не придумал – очень возможно, что я узнал о Китае из сказки «Соловей» Андерсена. Помните, она начинается словами: «Ты, верно, знаешь, мой мальчик, что в Китае все жители – китайцы? И даже сам император – китаец!» Хотя последнее было неверно, но Андерсен этого не знал.

ВГ: Это довольно обычный способ для тогдашних советских школьников – узнавать о Китае таким образом, из детских книг! Правда, многие узнавали от старших членов семьи, либо в школе от учителей.

ЮК: Конечно, я думаю, что и в школе у нас что-то говорили про Китай. Но деталей я сейчас уже совершенно не помню. Император Цинь Ши-хуан,¹ наверно, в школе упоминался, и не только.

ВГ: А в газетах или по радио что-то говорили о Китае в те военные годы?

ЮК: Я этого не помню, не обращал на это внимания. В 1930-е годы, помнится, что-то говорили об аресте Чан Кай-ши. А газеты я до сих пор не люблю читать. Я предпочитаю радио! Я – радиослушатель.

ВГ: Вот как? Мне, как бывшему радиожурналисту, очень приятно слышать это!

ЮК: Ну, я слушаю хорошую, самую лучшую московскую радиостанцию – «Эхо (Москвы)».

ВГ: Понятно. Наверно, теперь можно подойти к вопросу о выборе профессии. Вы закончили школу, и... Вам пришлось делать Выбор?

ЮК: Да. Я закончил школу, это был 1949 год. Дальнейший выбор я сделал без всякого принуждения, как и вообще, наверно, многое в жизни. Я пошёл сдавать экзамены на истфак Университета. Надо было получить, кажется, 4 или 5 «пятёрок», а я получил две «четвёрки». Не помню, сколько там было экзаменов... Что меня очень удивило, так это «четверка» за сочинение. Я таких сочинений не писал. Ну не было, я не помню ни одного, была только одна загадочная, когда в школе предполагалось, что я получу медаль. И по всем экзаменам у меня были круглые пятерки. Но потом они стали внезапно «съёживаться». И, задним числом, они были понижены. Так что я никакой медали не получил (медаль позволяла поступать в любой вуз СССР без экзаменов – ВГ), и поэтому сдавал экзамены.

---

¹ Цинь Ши-хуанди 秦始皇帝 (259-210 до н.э., правил с 246). Первый китайский император, основатель империи Цинь – первого централизованного государства в Китае (221-207 до н.э.)

Сдал не вполне удачно, после чего пошёл на Восточный факультет ЛГУ. Деканом Востфака был Геронтий Валентинович Ефимов² – имя, наверно, Вам известное.

ВГ: Конечно!

ЮК: Я кончал его кафедру, но контактов у нас особых не было. Потом я был на похоронах Ефимова и, по поручению Кычанова,³ пришёл туда с букетом цветов. А тогда, в 1980 (?) году, к нам подошёл декан истфака и сказал что-то вроде: «Кто бы мог подумать?!» Или: «Зачем это ему понадобилось?!» То есть, что-то в таком духе. Во всяком случае, сказал что-то, что можно было истолковать весьма иронически. Думаю, что он не хотел этого, но так у него получилось.

ВГ: А как же Вы всё-таки оказались перед дверями Восточного факультета?

ЮК: Во-первых, я оказался там, когда Ефимов ходил в ректорат (или делал вид, что ходил), для того, чтобы ему дали какие-то дополнительные единицы. Среди нас, как я помню, была ещё одна девочка, Нонна Скегина. Она потом поступила – так же, как и я, но не удержалась на факультете. В общем, это оказалось не для неё.

ВГ: Вы имеете в виду, что Ефимов просил расширить набор студентов на китайское отделение?

ЮК: Да, расширить. Не знаю, что делал Ефимов, понимал ли он это, но был произведён дико преувеличенный набор на китайское отделение. Я думаю, что это был отклик на тогдашние отношения с Китаем. Потом часть принятых тогда студентов переводили на Филфак.

---

² *Ефимов Геронтий Валентинович* (1906-1980). Китаевед, д.и.н. (1958), профессор (1958). Окончил ЛИФЛИ (1932). Преподаватель ЛГУ с 1941, зав. кафедрами истории Востока и Дальнего Востока, проректор ЛГУ (1961-1965). Труды по истории Китая в новое и новейшее время

³ *Кычанов Евгений Иванович* (1932-2013). Китаевед, тангутовед. Сотрудник ИВР РАН в Санкт-Петербурге, д.и.н. (1970), профессор (1986). Директор СПбФ ИВ РАН (1996-2003). Специализация: тангутоведение, средневековая история Китая и Центральной Азии, кочевые цивилизации, национальные меньшинства КНР. См.: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57> , <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/ra27.pdf>

ВГ: Это был 1949-й год – год образования КНР.

ЮК: Да. Я помню, как выступал китайский цирк, и у меня долго хранился голубенький значок с портретом председателя Мао Цзэ-дуна⁴. Потом, года через четыре, этот значок пропал, потому что я его дал другому человеку во время постановки, а он случайно сорвал его со своей одежды. В общем, значок исчез. Его больше нет в природе, осталось только воспоминание. Но он был подарен мне, наверно, в октябре 1949 года. Ну, потом я был в Китае как раз тогда, когда была очередная годовщина образования КНР. И я видел это празднование. Во всяком случае, тогда я впервые ощутил себя «варваром». Потому что был немыслимый гром! Я представил себе, как они шли, эти бедные люди из глубокой провинции, из других стран. А тут, значит, грохот, гром, барабаны... То есть, это было сделано абсолютно так, как нужно, чтобы ты чувствовал, что оказался в центре Поднебесной и перед тобой предстает некое истинное величие.

ВГ: Между Небом и Землей. Как и в тот момент, когда Вы поступали на исторический факультет, но каким-то образом попали в китайскую группу. Как завершилась история с Вашим поступлением?

ЮК: История была дальше такая. Она была почти романтическая. Поскольку я был юношей, мне надо было либо в армию идти, либо искать какой-то близкий себе институт, куда поступали бы, сдавая такие же экзамены. какие были сданы мной. Сильного влечения к службе в армии я не чувствовал, поэтому решил, что пойду в педагогический институт. Начал с 1-го Иностранного. Был у нас такой институт педагогический, где со мной состоялся памятный мне разговор. Этот институт был, по-моему, слегка военизированный или, во всяком случае, там был какой-то иностранный факультет. Может быть, они там кого-то готовили для

---

⁴ *Мао Цзэ-дун* 毛泽东 (1883-1976, м.р. Хунань). Один из основателей и лидеров коммунистического движения в Китае. После 1949 фактический руководитель КПК и КНР. Объект «культы личности»

армии. Я по этой причине начал с того, что изложил всю свою анкету – чтобы вы знали, с кем вы разговариваете, и точка. Может быть, это вас не устраивает – ну, и ладно. Человек, который проводил собеседование, кивал: «Да, да, да». Говорил, что это всё ничего. Ничего, что не комсомолец, что у меня известная национальность. Но потом спросил: «А, вот, у Вас очки. Скажите, пожалуйста, что у Вас с глазами?» Говорю: «У меня близорукость». – «Ну, и какая у Вас близорукость?» Я говорю: «У меня минус 4 или минус 5». Он: «Ну, к нам с таким зрением поступить совершенно невозможно!». Туда поступил мой товарищ по классу Гена Стеклов, мы с ним вместе кончали школу. Поступил совершенно благополучно, хотя у него была даже большая или такая же близорукость, как и у меня. Так что, я думаю, что это моё несостоявшееся «поступление» и неважное зрение едва ли были так уж связаны. Но я там сдал экзамен. Причём я сдавал, по моему, и немецкий, и английский. Потому что в школе я учил немецкий, а английский язык я просто уже в какой-то мере знал.

В конце концов, я пошёл в Герценовский, на иностранный факультет, где готовились преподаватели разных языков. Но в Герценовском я чувствовал себя неуютно, потому что декан, приветствуя поступивших, сказал: «Вот, я уже не в первый раз вижу здесь русые головки, косички – такие милые и славные!» И я чувствовал, что тут кругом – одни девчонки. Я к этому, естественно, не привык, ведь это было время раздельного обучения мальчиков и девочек. Хотя всё же довольно быстро освоился за те десять дней, что был студентом этого самого Герценовского.... А дальше произошла такая история. Сперва я подумывал об испанской группе, но поступил в английскую группу, где у нас была очень привлекательная, милая преподавательница. Фамилии её я, к сожалению, не помню. Она только что окончила филфак ЛГУ или, скорее, защитила там диссертацию. Не знаю. И вот, она стала ставить всем произношение – объясняла, что надо делать губами, зубами, языком. И у всех этих девчонок получалось. А у

меня не получалось, хоть ты тресни! Не выходило! И тогда я разозлился – и заговорил с ней по-английски. А я в Свердловске учился языку у его носительницы. Она была природная американка из семьи, происходившей из Скандинавии. Миссис Эдди. Очень хорошая и добрая пожилая женщина.

ВГ: Наверно, преподавательница очень удивилась, когда Вы с ней заговорили?

ЮК: Вероятно, не знаю. Но я заговорил с ней, и она сказала : «Зачем Вы пришли сюда?» Я говорю: «Ну, так вышло». Она: «Вы знаете, Вам здесь совершенно нечего делать!» Я говорю: «А что же мне делать?». Она: «Ну, пойдите на истфак, попробуйте! Может быть, там есть всё-таки место какое-то!» И я пошёл на истфак. Места там не было, но мне сказали: «Мы слышали, что на Восточном факультете – недобор мальчиков». А это было существенно. Почему-то мальчишек очень хотели принимать в первую очередь. Может быть, тоже ввиду причин каких-нибудь, скажем, дальнейшей работы. И у меня был разговор не с деканом, потому что декан уехал в Москву и, конечно, оставил вместо себя одного из своих друзей. Я помню только одну остроту этого человека – когда он сказал что, вот, он носит какие-то суконные ботики, которые называются «прощай, молодость!» Звали его Болеслав Исидорович Король. Я ему сказал: «Вы хотите, чтобы я забрал документы в Герценовском и принёс их к вам?» «Да» – говорит. Я: «Вы понимаете, что деваться мне будет некуда, если Вы меня не возьмёте?» Он: «Понимаю, но никаких сомнений нет, у нас есть потребность в таких студентах. Вы нас вполне устраиваете». Я ему тоже излагал все подробности своей биографии.

ВГ: Ваше плохое зрение его не смутило?

ЮК: Нет. Не только зрение, всё остальное – тоже. Мне было велено прийти на следующей неделе, в понедельник, кажется. Во всяком случае, когда я пришёл туда на следующей неделе, оказалось, что меня не берут!

ВГ: Прямо «засада», драма какая-то!

ЮК: Да! Не берут, и всё! Но вопрос решился, благодаря проректору ЛГУ, археологу профессору Михаилу Илларионовичу Артамонову (1898-1972).

ВГ: Вам даже пришлось пойти к проректору?

ЮК: Да. Причём он сидел за столом и разговаривал не поднимая головы – всё, как положено начальнику. В конце концов, он меня спросил: «Учиться хотите?» Я сказал: «Очень хочу!» Он ответил: «Будете учиться». После такой «улыбки Фортуны», первой за всю эту осень, я пошёл учиться. Так я пришёл в свою группу. Это была группа истории Китая, как раз на кафедре у Г.В. Ефимова. Там были в основном парни, и только три девочки. Там был один воевавший человек, другой был рабочим. В общем, разные люди были...

ВГ: Сколько было всего студентов в группе?

ЮК: По-моему, десять нас было, но потом одна девушка ушла на истфак.

ВГ: Значит, группа была небольшая?

ЮК: Небольшая.

ВГ: Почему, всё-таки, Ваш выбор пал на Китай, а не Корею или Японию? Потому что Вам просто вот предложили заниматься Китаем?

ЮК: Я не совсем правильно сказал, что узнал о Китае только из сказки «Соловей». Нет, с Китаем у меня была ещё одна встреча. Был такой китаевед, Пчелин, который никогда, кажется, не служил в этом качестве, но знал китайский язык. Я никогда его не видел, но у него была дочка – её фамилия в замужестве Рудова⁵, сотрудница Эрмитажа, работала до последнего времени в отделе Востока, а в нынешнем году, к сожалению, скончалась. С ней я и познакомился, когда подрабатывал в Эрмитаже «старушкой в зале». Знаете такую работу?

ВГ: Конечно! Сидеть на стульчике?

---

⁵ Рудова (Пчелина) Мария Леонидовна (1927-21.12.2013). Китаевед, к.и.н.(1968). Окончила востфак ЛГУ (1949), работала в Китае (1949-1953). Научный сотрудник отдела Востока Гос. Эрмитажа (1953-2014)

ЮК: Да, сидишь на стульчике, «старушкой», дежурной в музейном зале, смотришь и слушаешь. Ну, а какие перлы я там слышал! Например, есть там зал Рубенса, где на одной картине изображена обнажённая красавица, которая поставила ногу на загорелое волосатое колено склонившегося перед ней поклонника-кентавра.⁶ Один из двух молодых военных, остановившись перед этой картиной, сказал другому: «Ты скажи, ну точно – наш подполковник?!» Запомнилась мне эта живописная сценка!..

ВГ: И тогда, подрабатывая «старушкой», Вы познакомились с юной девушкой?

ЮК: Я познакомился с Машей. И она дала мне почитать переводы с китайского. По-моему, у неё была книжка В.М. Алексеева⁷, а в ней какие-то переводные стихи. Меня всегда интересовал перевод, в частности, стихотворный. И так вышло, что ещё до начала изучения Китая у меня была даже какая-то встреча – с Машей Пчелиной, представительницей китаеведения. Это было в отделе оружия. На меня гораздо большее впечатление, чем встреча, произвело в этом отделе японское орудие пытки, которое я там увидел. «Изысканное» приспособление, чтобы извлекать из пытаемого человека печень, после того, как всё остальное из него, видимо, уже вынуто.

ВГ: Наводило ли это Вас исподволь на мысли о Китае?

ЮК: Дело в том, что это было в школьные времена, я учился, кажется, в 8-м классе. Всё лето было – моё (летние каникулы – ВГ). Это значит, что я мог там подрабатывать, целый месяц в Эрмитаж ходить.

---

⁶ Видимо, речь идёт о картине П.-П. Рубенса «Несс и Деянира». На картине изображён кентавр, склонившийся перед женой Геракла

⁷ *Алексеев Василий Михайлович* (1881-1951). Китаевед (академик, литературовед, историк, знаток культуры Китая). Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1902). Работал в Англии, Франции, Германии, Китае (1904-1909). Академик АН СССР (1929). Преподаватель СПбУ/ЛГУ (1910-1951). Сотр. Азиатского музея / ИВ АН СССР (1902-1951). Член американской Академии политических и социальных наук (1923). Член Союза писателей СССР (с 1947)

ВГ: Почему всё-таки Китай? Может быть, на Вас как-то повлияло образование в 1949 году КНР и предшествующая этому событию атмосфера?

ЮК: Атмосфера? Должен сказать, что – да. Тут был такой восторг. И я помню китайских работников цирка, которые пользовались бешеным успехом. Я был на их представлении. Там-то я и получил в подарок на память о провозглашении КНР – тот самый значок с портретом Мао.

ВГ: Может, тот значок с портретом Мао и привёл Вас к изучению Китая?

ЮК: Должен сказать, что когда я был в Китае, я пошёл в Мавзолей Мао Цзэ-дуна. Когда я его увидел, то поразился в первую очередь его росту. Нечасто встретишь такого высокого китайца, как он. А там видно было, что он был высокий человек. Между прочим, я был на его родине в Китае. Но меня больше археология там интересовала. Вообще, в Китае мне было интересно смотреть на всё, что связано с историей до 1644-го года.⁸ Потому что в ЛГУ особенно некому было учить нас этому. К нам приходил такой тюрколог Дмитрий Иванович Тихонов⁹, который преподавал нам древнюю историю по Георгиевскому.¹⁰ В общем, по каким-то невероятным книжкам, названий которых сейчас и не вспомню.

ВГ: Может быть, это книга Георгиевского «У стен недвижимого Китая?»

ЮК: Я не помню. Это какая-то краткая китайская история. Во всяком случае, она фигурировала в качестве учебного пособия. Конечно, Тихонов был тюркологом и

---

⁸ 1644 – год, когда маньчжуры официально основали в Китае империю Цин 清 (1644-1912)

⁹ Тихонов Дмитрий Иванович (1906-1987). Востоковед, д.и.н. (1968). Окончил ЛВИ (1936). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1936-1961), Института этнографии АН СССР (1961-1976). Специалист по истории уйгур в средние века и новое время

¹⁰ Георгиевский Сергей Михайлович (1851-1893). Китаевед, окончил историко-филологический факультет МГУ (1873) и факультет восточных языков Петербургского университета (1880). Профессор Петербургского университета (с 1890). Один из первых русских китаеведов, изучавших историю древнего Китая

не имел никакого отношения к Китаю. А из дальневосточных, владивостокских востоковедов у нас был Кюннер.¹¹

ВГ: Кюннер тоже читал у Вас лекции?

ЮК: Во-первых, Николай Васильевич читал нам лекции. А, во-вторых, он руководил моим дипломом, у меня даже сохранился его отзыв, надо сказать, весьма лестный, а также отзывы Б.И. Панкратова и Л.А. Березного.

ВГ: Наверно поэтому Вы и занялись древностью, под влиянием Кюннера?

ЮК: Нет, нет. Кюннер вообще был человек, который ни о чём определенно не высказывался. Он всегда говорил: «те-те-те-те», или что-то вроде того. Я помню, что его основные замечания по диплому были такими – вот Вы так пишете, будто это только так и могло быть. Говорил он это, чтобы я был не так уж уверен, что всё в истории бывает именно так, а не иначе. Но Кюннер знал и язык, и историю. У меня был диплом по восстанию Чэнь Шэна и У Гуана. Во всяком случае, для него эти исторические имена что-то значили.¹²

Вообще, это восстание нашло отражение в советской научной литературе. У меня есть одна книжка, связанная с моей работой того времени – «Сыма Цянь – историк».¹³ Я же пришёл к занятиям историографией именно через чтение

---

¹¹ *Кюннер Николай Васильевич* (1877-1955). Востоковед, историк, этнограф. Окончил востфак Петербургского университета (1900). Профессор Восточного института во Владивостоке (с 1902). Специалист по истории и этнографии Китая, Тибета, народов Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Научный сотрудник Института этнографии АН СССР (1934-1955)

¹² Крестьянское восстание под руководством Чэнь Шэна и У Гуана (209-208 до н. э.). В 208 г. до н.э. циньская армия подавила восстание. Несмотря на поражение восстания, оно нанесло мощный удар по империи Цинь, от которой последняя не могла оправиться. В 206 г. до н.э. династия Цинь была свергнута повстанческой армией во главе с Сян Юем и Лю Баном. Лю Бан позднее стал основателем династии Хань

¹³ Кроть Ю.Л. Сыма Цянь – историк / Ответственный редактор Л.П. Делюсин. – М.: Наука, 1970

источников для своей дипломной работы! Это были в основном *Ши цзи* (Исторические записки),¹⁴ это мне было в какой-то мере знакомо и понятно.

ВГ: А тему диплома Вы сами выбирали, или эту тему дал Ваш руководитель?

ЮК: Нет, сам.

ВГ: Наверно, это непросто было?

ЮК: Я Вам скажу – нет. У меня было на кафедре два учителя. Одного из них мне хочется называть учителем, потому что он был порядочный, приятный человек и дал мне добрый совет, он занимался исключительно современным Китаем. Это – Лев Абрамович Березный,¹⁵ который был мне симпатичен. Я помню одно его смешное замечание, которое казалось не очень смешным тогда, но сейчас оно, конечно, выглядит смешно. Мне надо было делать доклад по работам товарища Сталина¹⁶ 1920-х годов, касающимся Китая. И Березный сделал мне замечание: «Почему Вы это всё так излагаете, как будто это академическая полемика? Это было совсем не так! Это было...» Не помню, как он выразился, но, в общем, что это ...

ВГ: Политическая борьба?

ЮК: Политическая борьба, классовая борьба – в общем, всё, что угодно. Я уж не помню точно его выражения, но помню, что он меня поправил именно в этом

---

¹⁴ *Ши цзи* 史記 (Исторические записки, Записки историографа, Записки историка). Сочинение историографа Сыма Цяня (II-I вв. до н.э.), первое в Китае историко-биографическое произведение. Состоит из 130 *пяней* (глав) и 526 500 иероглифов. Охватывает период от мифической древности – эпохи легендарного Хуан-ди (Жёлтого императора, если допустить, что был такой государь, хотя это чисто мифическая фигура. Иные старые китайские историки относили его правление, если перевести на христианское счисление времени, примерно к III тыс. до н.э.) до ханьского У-ди (140-87 до н.э.) и представляет собой описание исторических и псевдоисторических случаев, событий и реалий в области политики, экономики и культуры

¹⁵ *Березный Лев Абрамович* (1915-2005). Китаевед, д.и.н. (1969), профессор (1971). Окончил истфак ЛГУ (1941). Преподаватель Восточного факультета ЛГУ с 1949. Специалист по зарубежной историографии Китая XX в. и по новейшей истории Китая

¹⁶ *Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович* (1878-1953). Революционер, коммунист. Государственный лидер в СССР начала 1920 до начала 1950х. Один из вождей ВКП(б) и международного коммунистического движения. Объект культа личности

отношении. В общем, суть его замечания – что это была борьба. Мол, не изображайте это так, как будто бы это люди просто мирно рассуждают, спорят...

ВГ: Учёная беседа?

ЮК: Да, учёная беседа какая-то, где участники приводят аргументы «за» и «против» разных версий. На самом деле, одни – это «враги», а другие их разоблачают. Березный был моим учителем. Вообще, по подготовке он был американистом. И у него диссертация была, по-видимому, по советско-американским отношениям. Может быть, по этим отношениям в Китае, потому что потом он перешёл на китайскую проблематику. Писал работы, конечно, по современному Китаю. Но это был единственный китаист на нашей кафедре, который мне дал добрый совет: «Учите язык, учите язык, только, пожалуйста, учите язык!»

ВГ: Кто был вторым преподавателем, о котором Вы упомянули.

ЮК: Вторым был Г.В. Ефимов. Он не знал ни одного языка, я думаю, кроме английского. Может, немецкий ещё знал.

ВГ: В то время все занимались современностью. Как получилось, что Вы занялись древностью? Это же не модно было!

ЮК: Да, не модно. Я же Вам сказал, я не газетный человек. Я не знаю, как на меня могла распространиться «мода», разве только через принуждение. Но всем было просто наплевать на то, что я есть, и что со мною будет, потому что было ясно, что, по некоторым обстоятельствам, работать по профессии мне особенно не придется. И поэтому относились так: ну, хочет он заниматься, ну, интересно ему. У нас никто этим не занимается. Ну, пускай он и занимается!..

Должен сказать, что некоторое время я находился под влиянием председателя Мао Цзэ-дуна. И Лев Абрамович – я думаю, тоже. Он разбирал, конечно, современные тексты, и очень настаивал на том, что их читать тоже важно. И я помню, что у меня к нему был вопрос о теме диплома – что у меня есть

две возможности. Я могу сделать диплом по марксистской теории, касающейся крестьянских восстаний, как она изложена у председателя Мао. А могу сделать дипломную работу по более узкому вопросу, по восстанию Чэнь Шэна и У Гуана. Что лучше? Березный тогда и сказал, что важнее всего – не просто излагать марксистскую теорию по Мао Цзэ-дуну, а знать язык и овладеть с его помощью материалом источников. И я, действительно, приложил к диплому о крестьянском восстании против Цинь перевод биографии Чэнь Шэна из *Ши цзи*, которая называется «Наследственный дом Чэнь Шэн». Я постарался, насколько мог, перевести её, и даже, по-моему, мной за это была получена какая-то грамота от ректората.

ВГ: А какие материалы Вы использовали для диплома?

ЮК: *Ши цзи*.

ВГ: Просто взяли *Ши цзи* и шли по этому памятнику?

ЮК: Да. Это то самое, что потом у нас переводилось не раз. Переломов¹⁷ переводил, и конечно, наши ведущие переводчики *Ши цзи*...

ВГ: Почему же Вашим руководителем стал Кюннер, а не Березный?

ЮК: Мне его дали. Потому что академическая тема, я думаю. А Березный, как известно, был преподавателем современной истории Китая. Вот история КПК – это его дело. Но он, спасибо ему, и меня не бросил, написал на мой диплом развернутый отзыв. А в руководители мне дали Кюннера. Но отзывы написали оба. Кюннер говорил как-то по-особенному. Это не заикание было, наверно. Во всяком случае, он не вдруг, не сразу произносил слова. Его манеру говорить очень

---

¹⁷ Переломов Леонард Сергеевич (1928 г.р., Владивосток). Китаевед, д.и.н. (1970), профессор. Окончил МИВ (1951). Сотрудник ИК АН СССР (с 1955) Сотрудник ИДВ РАН с 1971. Президент Русского конфуцианского Фонда, член Правления Международной Конфуцианской Ассоциации. Исследователь древнекитайской философии: легизм, конфуцианство и др. Заслуженный деятель науки РФ. Рудольф Всеволодович Вяткин переводил в кн. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.VI. М.: «Наука» Издат. фирма «Восточная литература», 1992, Гл. 48, с. 152- 169

хорошо пародировал Борис Иванович Панкратов¹⁸, который рассказал мне про него дивный эпизод. Он рассказывал так: «Однажды я купил пистолет. Пришёл в общежитие (а он был аспирантом) Восточного института¹⁹ на Дальнем Востоке. Пришел в общежитие, повесил на дверь мишень, и начал упражняться.

ВГ: Мило!

ЮК: А Кюнер был в тот день дежурным. Ответственным за порядок. Услышав выстрелы, он стучит в дверь – тук-тук. А Панкратов говорит ему: «Да! Заходите». Кюнер заходит и говорит: «Господин Панкратов, этто нехорошо...»

ВГ: И всё?

ЮК: Ну, больше ничего, да. Сделал ему замечание в своей манере: «Нехорошо, господин Панкратов». Но, я полагаю, о стрельбе с восторгом узнало всё общежитие!

ВГ: А Кюнер преподавал Вам что-нибудь?

ЮК: Читал какой-то курс. Какой – я не помню. У меня в дипломе упомянуты курсы Истории древнего и средневекового Китая и Историографии Дальнего

---

¹⁸ *Панкратов Борис Иванович* (1892-1979). Востоковед, китаевед, монголовед, тибетолог. В 1916 окончил Восточный институт (Владивосток). Много лет жил и работал в Китае, где овладел китайским, монгольским, тибетским, маньчжурским и другими языками. Преподаватель ЛГУ, науч. сотр. ЛО ИВ АН СССР (1935-1942, 1948-1979). Выпустил в 1962 «великолепное», по словам крупнейшего монголиста А. Мостарта, факсимильное издание текста *Юань-чао би-ши* («Секретной истории монголов»), хранящегося в СПбГУ, транскрибированный китайскими иероглифами: Юань-чао би-ши (Секретная история монголов) 15 цзюаней. Т.І. Текст. Издание текста и предисловие Б.И. Панкратова. М.: Издательство Восточной литературы. Памятники литературы народов Востока. *Тексты. Большая серия VIII*, 1962. Как отмечал проф. Х. Франке, эта публикация Б.И. Панкратова вновь сделала «доступной для науки чрезвычайно важную версию этого текста», заслужив своему автору «благодарность сино-монголистов всего мира. Панкратов в разные годы занимался восстановлением монгольского текста памятника и его переводом. Но полный перевод в архив ЛО ИВАН (ныне ИВР РАН) передан не был. Были переданы переводы ок. 200 параграфов «Секретной истории монголов» из общего числа 282, т. е. ок. 2/3 ее текста, сделанные Б.И. Панкратовым в разное время. См.: «Страны и народы Востока». вып. XXIX, с.27,38-43, 44-104

¹⁹ *Восточный институт* – известный российский центр подготовки востоковедов. Основан во Владивостоке в 1899. С 1920 – Дальневосточный университет

Востока. О древнем Китае нам читал Тихонов, а о средневековом не помню кто. Может быть, Кюннер. Но, скорее, он читал об историографии...

ЮК: Вообще, у нас первый год обучения был, я бы сказал, безумным с точки зрения какого-то идеологического вмешательства в нашу академическую жизнь. То есть, одного нашего, по-моему беспартийного, но вполне учёного лингвиста, который утверждал, что в Китае фактически нет единого языка, чуть ли не в «политике» обвинили. Мол, он хочет раздробления Китая. В общем, ему сделали какой-то «райкомовский» втык. Причём не имея на то права, потому что никакого отношения к партии он не имел. Это случилось, когда я был, по-моему, на 1-м курсе. А мой друг, который сейчас проживает в Австралии, пострадал за компанию, потому что он «не на того молился» как лингвист. Его тоже вызывали то ли на партбюро, то ли в райком, и тоже сделали втык: «Как Вы можете говорить, что в Китае нет единого языка?» Он говорит: «А вот так. Если южанин не учил пекинский диалект, то он и не будет понимать его». В общем, намекнул, что истина превыше всего...

ВГ: Борис Иванович Панкратов, о котором Вы писали как об учителе, он тоже преподавал тогда, и как Вас свела судьба с ним?

ЮК: Как-то меня с ним познакомил тогда. Это сыграло в моей жизни совершенно особую роль, и это был совершенно особенный человек!

ВГ: Мы так мало знаем о нём! Может, Вы расскажете нам поподробнее об этом человеке?

ЮК: Да. Я помню, что он пришёл к нам в группу и стал спрашивать: «Что вы знаете?» Мы сказали, что мы ничего не знаем. Тогда он взял мел и написал по памяти начало *Сань цзы цзина*,²⁰ по-моему: «*Жэнь чжи чу син бэнь шань*» 人之初

---

²⁰ *Сань цзы цзин* 三字經 – «Троесловный канон»/«Троесловие», приписываемое Ван Ин-линю (1223–1296) и созданное в форме классического канона. Традиционная китайская «Краткая детская энциклопедия»). С него начиналось обучение в школе, дети его учили наизусть

性本善,²¹ и так далее. И предложил нам сказать, что тут написано. Ну и, конечно, убедился, что мы сказать не можем...

ВГ: Какой это курс был? Первый, второй, третий?

ЮК: Нет, это был не первый курс. На первом курсе нам преподавал китайский язык профессор Смыкалов²². Я не знаю подробностей его биографии, но начинал он свою работу ещё при царской власти. Преподавал он, между прочим, очень колоритно, и это выглядело так: «Грамматика Вам не нужна! Грамматики – в печку! В китайском языке её нет!..» Потом в какой-то момент он говорил: «Нет, кое-что всё-таки есть». И ещё говорил: «Когда китаец читает, вот так же, как вы, текст, и доходит до этого места, где стоит частица *ды* 的, то у него в голове происходит «революция», и всё становится определением к тому, что он сейчас прочтёт. В таком стиле он вел занятие. Ещё он курил трубку! Он умер, куря трубку, между прочим. Закашлялся на заседании кафедры, и умер.

ВГ: Какие тексты Вы читали?

ЮК: Сначала это была газета... Вообще, это очень характерно. Недавно моя жена писала воспоминания о своём учителе. У неё был учитель очень высокого класса, лингвист-японист и кореист Холодович.²³ И я обнаружил, что они учились так – в основу был положен текст. То есть, учебников не было, а просто брали тексты. Это могла быть газета, либо другие разные тексты, кто что выбрал. И Холодович начинал объяснять на тексте и грамматику, и всё на свете. Те студенты, которые умели хорошо схватывать, они и выучили язык.

---

²¹ *Жэнь чжи чу син бэнь шань* – первые два троесловия «Сань цзы цзина»

²² *Смыкалов Георгий Феофанович* (1877-1955). Китаевед, профессор. Окончил Петербургский университет (1902). Стажировался в Китае (1903-1907). Магистр (1907), профессор (1947). Преподавал китайский язык с 1913, в т.ч. в ЛГУ (1938-1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1938-1955)

²³ *Холодович Александр Алексеевич* (1906-1977). Востоковед-лингвист. Преподаватель, учёный, переводчик. Профессор, основатель петербургской типологической школы. Автор трудов по корейскому и японскому языкам

ВГ: Вас тоже так учили?

ЮК: Вначале – да. А потом я уже учился сам. Сам себя учил.

ВГ: Трудно было учить китайский?

ЮК: Ну, как Вам сказать... Конечно, нелегко!

ВГ: Я так спрошу – мучил ли Вас китайский язык?

ЮК: Нет, не могу сказать, что он меня мучил. И вообще, я обнаружил, что он становится легче по мере того, как читаешь. То есть, появляется начитанность. Конечно, я не знаю китайский язык по-настоящему. Нормально было бы – выучить современный язык. Хорошо выучить! А у нас, у историков, прежде всего, не было разговорного.

ВГ: Вообще не было?

ЮК: Нет. У нас был преподаватель, которого звали Ни Тэ-гэнь (а может – *гэн*, не помню).

ВГ: Ниткин?

ЮК: Ниткин Владимир Краснович, или Владимир Хунович Ниткин.²⁴ В то время это было самое модное, назвать по Ленину – Владимир. Вот он и был Владимир Хунович, или Владимир Краснович, поскольку его папу звали Хун.²⁵ В то время была такая песенка: «На далёком севере эскимосы бегали, эскимосы бегали за моржой. Эскимос моржу поймал и вонзил в неё кинжал, и вонзил в неё кинжал глыбако!» «И опять на севере эскимосы бегали...» Ну, а мы на этот мотив пели слова, которые надо было зазубрить по Ниткину: *Ни дэ гэгэ цзай цзя ма? Во дэ гэгэ бу цзай цзя* 你的哥哥在家嗎? 我的哥哥不在家, и так далее.

ВГ: «Дома ли твой старший брат? Моего старшего брата нет дома».

ЮК: Да-да-да!

---

²⁴ *Ниткин Владимир Краснович (Ни Дэ-гэнь)* (1905 -1960е?). Этнический китаец. Преподавал китайский язык в ЛГУ. По профессии – художник

²⁵ *Хунович* – от китайского слова *хун* (красный)

ВГ: Что же за человек был – Ниткин? Вообще, он какая-то загадочная личность.

ЮК: Он был художником. Думаю, что он был политэмигрантом. В какой-то момент уехал из Китая в Россию. Вероятно, когда *Чан Кай-ши*²⁶ начал гонения на коммунистов, кто-то предложил ему эмигрировать, просто для того, чтобы уцелеть. Наверно, он был человеком левых взглядов. Борис Иванович Панкратов с удовольствием вспоминал те сложные времена в Китае. Кстати, Панкратов сыграл особую роль в жизни Ли Да-чжао.²⁷ Он его спрятал. Вы знаете про это, или нет? С риском для себя старался спрятать Ли Да-чжао и чудом избежал участи других советских, пытавшихся спасти его.²⁸

ВГ: Интересно! Мы ещё обязательно вернёмся к Панкратову, когда договорим про Ниткина, хорошо? Каким образом преподавал вам китайский язык Ниткин? Это был разговорный язык?

ЮК: По-моему, там было 250 слов или фраз, которые нужно было зазубрить. Говорят, что один путешественник знал по-французски одну-единственную фразу: «Не видели ли вы корову моей бабушки?» С этой фразой он объехал всю Францию, но нигде не мог применить своих знаний. Ну вот, тут точно так могло получиться.

ВГ: Значит, лексика, которую вы зубрили, была «не от жизни»?

ЮК: Почему «не от жизни»? *Нинь гуй син? Би син Мань* 您貴姓? 卑姓滿 (дословно: Как Ваша благородная фамилия? Моя низкая (или безродная, или

---

²⁶ *Чан Кай-ши* 蔣介石 (1887-1975). Второе Цзян Чжун-чжэн 蔣中正. Крупнейший политический и военный лидер Китая в XX в. Соратник Сунь Ят-сена. С 1924 – начальник военной школы Вампу (близ г. Гуанчжоу на оз. Хуанпу). С 1925 вошёл в руководство Гоминьдана. Генералиссимус, верховный главнокомандующий. Президент Китайской республики (1928, 1932, 1943, 1948-1975). Умер и похоронен на Тайване

²⁷ *Ли Да-чжао* 李大釗 (1889-1927) – учёный, революционер и общественный деятель, один из первых китайских марксистов и основателей КПК

²⁸ См.: Страны и народы Востока. Выпуск XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология (Ответственный редактор Б.И. Панкратов. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. С.11

подлая) фамилия Мань). Но у Ниткина фамилия представляющегося человека была, кажется не Мань, а Ван 王. Вот так начиналось знакомство и представление. Оно было, наверно, слегка старомодное, подчёркнуто вежливое. Представляющийся рекомендовал себя уничижительно, намекая выбором эпитетов, что он родом и положением уступает собеседнику. Сейчас, наверно, тоже так говорят, в языке такие обороты с трудом выходят из употребления.

ВГ: *Нинь гуй син* – Как Ваша фамилия? – и сейчас тоже спрашивают. А Ниткин был первым китайцем, с которым Вы так столкнулись лично, в процессе учебы?

ЮК: Да. Я не знаю, насколько он был хороший художник. Я вообще не помню его картин, хотя, кажется, какую-то и видел. Он, по-видимому, старался как-то совместить китайскую манеру живописи и ту, что ему преподавали в нашей Академии художеств... Я встречал одного нашего человека, чьё искусство, действительно, оставило в Китае какой-то след. Он жил, по-моему, в Шанхае. Звали его Рыков. У него были там дивные отношения! Его любили, и он чувствовал себя любимым, востребованным. Очень известный питерский театральный художник.

Кроме Ниткина и Смыкалова, с которым мы читали газеты, был ещё Яхонтов²⁹, которым я всегда только восхищался и продолжаю восхищаться до сих пор. Он, конечно, совершенно великолепный синолог, с очень большим чутьем языка (помимо того, что ему дано в логическом сознании) и с очень ясной теоретической головой. Я просто ходил к нему на занятия, но сказать, что я у него учился сложно. Я половины не понимал из того, что он говорит. И сейчас, наверно, половины бы не понял, потому что он говорит на языке профессионалов-лингвистов. С.Е. Яхонтов много раз помогал мне в работе над древнекитайскими текстами, особенно над одним трактатом II в. до н. э., в котором освещаются

---

²⁹ Яхонтов Сергей Евгеньевич (1926 г.р.) китаевед, к.филол.н. (1954), доцент (1956). Окончил востфак ЛГУ (1950). Специалист по лингвистике и истории языкознания в Китае

важные вопросы, в том числе экономические. В начале века я завершил и издал очень трудоёмкий перевод этого трактата *Янь те лунь* («Спор о соли и железе»). За его перевод брались лишь немногие европейцы и американцы, которые переводили не всё, а часть. Полный же перевод, был сделан только на японский язык, и тот далеко не безупречен. Я попросил Яхонтова прочитать мой полный комментированный перевод и сделать замечания на полях. На моё счастье, он при своей непомерной загруженности согласился и тем оказал мне неоценимую помощь. Все или почти все критические замечания и поправки Сергея Евгеньевича я включил в свой двухтомник, везде назвав фамилию их автора. Судя по указателю к моей книге, Яхонтов упоминается в ней 18 раз. Ну кто другой стал бы тратить столько сил на чужую и далёкую от его научных интересов работу?

ВГ: А как складывались Ваши отношения с Борисом Ивановичем Панкратовым?

ЮК: В какой-то момент он решил, что из меня может что-то получиться, и у нас с ним были очень хорошие личные отношения! У меня есть отличная его фотография, могу показать Вам.

ВГ: С удовольствием! А почему у вас были хорошие отношения?

ЮК: Ну, вот как-то с доверием мы друг к другу отнеслись, прониклись по-человечески. И он хотел меня научить. Я помню, как он приходил к нам в группу на 2-м курсе и говорил, что, вообще, про Китай очень много чего написано. Так вот, вам надо, например, прочесть много томов переписки иезуитов по-французски, чтобы понять, что там нет ничего для вас интересного. Сам он, конечно, был полиглот, от природы одарённый способностью к языкам человек. Когда он работал в советском посольстве в Китае, он, по-моему, работал как переводчик с китайского и английского языков, но знал и некоторые редчайшие языки, на которых говорят лишь немногие в Китае. Например джарун, который иногда называют джаронг. А в блокаду Панкратов был здесь (в Ленинграде) бойцом отряда самообороны АН СССР. Его наградили медалью «За доблестный

труд во время Великой Отечественной войны». Такая у него биография. Вы никогда не держали в руках его однотомник?

ВГ: Нет, не держал.

ЮК: Не может быть, чтобы этого однотомника не было у Вас!

ВГ: Не видел, не было.

ЮК: Если бы у меня был лишний экземпляр, я бы Вам подарил.

ВГ: Ничего, я поищу в библиотеке.

ЮК: Значит, так. Однотомник работ Панкратова вышел в серии «Страны и народы Востока», которую издает Географическое общество.³⁰ Туда вошли его работы, которые, фактически, остались в рукописи, не были опубликованы. У него вообще немного работ было напечатано.

В своё время я давал консультации сотруднику нашего институтского архива, разбиравшему его фонд. Поэтому я представлял себе этот фонд, был причастен к нему и знал то главное, чем Панкратов был примечателен и славен. Он был синомонголист, то есть, знал китайский и монгольский языки в такой степени, что мог на основании этих знаний реконструировать монгольский язык XIII-XIV века, язык «Юань чао би ши» (Секретной истории Монголов, т.е. времён династии Юань. Далее – ЮЧБШ), и понимать, что там написано.

Кстати, о том, что и когда Панкратов сделал по этому переводу, посмотрите «Страны и народы Востока», выпуск XXVIII³¹. Там об этом говорится, как и обо всей его работе над этим памятником. Молодой Панкратов представил свой первый перевод ЮЧБШ Шталь Хольштейну в Пекине, когда поступил в Sino-Indian Research Institute, т.е. в 1920-х годах. Куда эта работа делась – неизвестно.

---

³⁰ Страны и народы Востока. Выпуск XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология / Составитель и ответственный редактор Ю.Л.Кроль . СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998, 332 с.

³¹ Кроль Ю.Л. О работе Б.И. Панкратова над «Юань-чао би-ши» (по материалам архива востоковедов ЛО ИВАН СССР) // Страны и народа Востока. Вып. XVIII: География. Этнография. история. – СПб., 1994, С. 138-143

Потом он вернулся к тексту ЮЧБШ в 1940 или 1941 (не помню точно), когда Козин опубликовал свой перевод ЮЧБШ. Об этом переводе Панкратов сделал в Ленинграде, в ЛО ИВАНе, доклад, который потом опубликовал в «Странах и народах Востока» (выпуск XXIX 29) М.Ф. Чигринский. Нового (полного) перевода Панкратов не делал, а переводил те тексты, которые в переводе Козина были ему подозрительны. Пока работал в ЛО ИВАН, эта работа стояла у него в плане. По-моему, он продолжал её делать и после увольнения. Однажды я пришёл к нему, и он вышел мне навстречу с огромной кипой машинописи, которую нёс руками и придерживал подбородком. Я спросил, что это. Ответ: «Да вот, решил перепечатать то, что у меня сделано по ЮЧБШ». Судьбы этой кипы машинописи не знаю. Отдал ли он её в ЛО ИВАН, где уже не работал – вряд ли! Во всяком случае, Кычанов мне этого не говорил. Часть архива Панкратова была передана его вдовой в ЛО ИВ. Но если там были переводы из ЮЧБШ, их был не такой ворох, какой я видел у него в руках, и свежееотпечатанных текстов я не помню. По вопросам, связанным с архивом Панкратова, его вдова советовалась со Стариковым. Так что, где его перевод ЮЧБШ – не знаю! И не знаю, весь ли текст он успел перевести. Советую не утверждать, что его книга 1962 года содержит этот перевод!

ВГ: Конечно. Кажется, Панкратов знал и маньчжурский язык?

ЮК: Маньчжурский знал. Он был и маньчжурист, конечно. И у него была великолепная «библиотека маньчжуриста», и эту маньчжурскую часть своей библиотеки он, как будто бы, в своё время продал в Москву. Кажется там были, в частности, все знаменитые китайские романы по-маньчжурски. В общем, много чего у него было. Ксилографы были, а, может, и рукописи были. Но особенно он интересовался живым разговорным китайским языком, собирал и записывал тексты на нем у его носителей. Он собрал, между прочим, по свидетельству Ф. Веллера и В. Эберхарда, великолепную китайскую картотеку ругательств. Но я не

знаю, где она теперь. Может быть, она находится у нас в институте, потому что его вдова, его последняя жена, отдала к нам в институт часть его архивов.

ВГ: Что можно сказать про Панкротова как человека? Каким он был?

ЮК: По-моему, он был очень хороший и очень добрый человек, широко помогавший другим.

ВГ: С трудной судьбой.

ЮК: Да, судьба его была трудная. Он должен был стать преподавателем и, собственно, был преподавателем Восточного института во Владивостоке. По-моему, он был утверждён в качестве такового в пору власти Временного правительства. То есть, Институт подавал документы, что такой-то востоковед прошёл у них конкурс, и просил утвердить. Кажется, его даже утвердили. Но он проводил половину времени в странах, язык которых изучал. Начал свои поездки с Монголии, потом добрался и до Китая. Всеволод Сергеевич Колоколов³² тоже восхищался Борисом Ивановичем и чтит его, живого свидетеля своей молодости, когда Панкратов был для него своего рода божеством. Они познакомились где-то в Пекине, или, скорее, на Великой Стене, и Колоколов всё вспоминал этот эпизод. Всеволод Сергеевич – это вообще легендарная личность...

ВГ: Надеюсь, что мы поговорим ещё о нем. А какое влияние оказал на Вас Панкратов в профессиональном и человеческом плане?

ЮК: Он оказал большое профессиональное влияние. Помню, я даже тост предложил за него, когда у меня была защита. Я сказал по-английски, что пью за добрые, надёжные факты. Это человек, которому были нужны факты, а не великие теории о них. Он, действительно, был полиглот исключительной одаренности, но

---

³² *Колоколов Всеволод Сергеевич* (1896-1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре, Синьцзян. Окончил восточное отделение академии РККА (1920-1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922-1937), ИКП (1935-1937), Высшей спецшколе РККА (1939-1942), Военной академии (1947-1957), МГУ (1951-1954). Работал в КУТВ (1923-1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925-1927), ИВ АН СССР (1949-1979)

отнюдь не только лингвист. Свою первую работу – об ороконах – он издал в своё время (1915) во Владивостоке. Сам он говорил, что не собирался её издавать, потому что она была неоконченной. Её текст просто взяли у него с письменного стола и напечатали.

ВГ: И всё же, как повлиял на Вас Панкратов? Может, привил любовь к фактам, профессиональное отношение, доброту?

ЮК: Я считаю, что он очень сильно повлиял на меня во многих отношениях. Он был крупнейший ученый и джентльмен, настоящий джентльмен.

ВГ: И, наверно, был для Вас образцом профессионала-востоковеда?

ЮК: Да! Конечно! Хотя великие теории его действительно не очень интересовали. Но он интересовался всем новым, что появляется. Когда началось увлечение структурализмом (Вы, наверно, помните? Литературоведы особенно этим увлекались), он был единственным из стариков, кто пришёл послушать доклад Бориса Вахтина,³³ побывавшего в Москве на каком-то научном сборище, где тот собрал информацию об этом течении. Я помню, что Панкратов был единственным пожилым человеком, который сидел тогда в комнате. Всем остальным это было «до лампы». То есть, Панкратов был необыкновенно многогранен! И – добавлю – открыт новому.

ВГ: Интересно! Вы только что упомянули В.С. Колоколова. Он тоже был одним из Ваших учителей?

ЮК: У Колоколова были свои ученики. Конечно, самый знаменитый из них – И.М. Ошанин³⁴. Борис Иванович всегда считал, что у Колоколова – великолепный

---

³³ Вахтин Борис Борисович (1930-1981). Китаевед, к.филол.н. (1959). Окончил востфак ЛГУ (1954). Научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1957-1981), одно время заведовал Дальневосточным Кабинетом ЛО ИВАН. Член Союза писателей РСФСР (с 1961). Переводчик, специалист по средневековой китайской поэзии

³⁴ Ошанин Илья Михайлович (1900-1982). Китаевед-лингвист. Окончил МИВ (1924). Д.филол.н. (1947), профессор (1948). Сотрудник торгпредства СССР в Китае, аппарата военных советников в армии Фэн Юй-сяна (1924-1926), генконсульства в Шанхае (1927), посольства СССР в Китае

современный литературный китайский язык, тот, на котором пишут. Он лучше, ну, правильней, красивей или выразительней, чем тот, на котором говорят, но фактически это не разговорный язык, хотя Колоколов и говорит на нём. Но Колоколов считал себя китайцем больше, чем сами китайцы. Как говорится, в мире есть «большие католики, чем сам Римский Папа». Вот так и Колоколов – он был полон желания помочь другим и готов вторгнуться для этого в их область, даже без всякой просьбы об этом. Я помню, что он выступал по вопросу о том, почему «Сокровенное сказание» (*Юань чао би ши*) называется так, как оно называется. Он нашёл там какое-то (как он считал, с китайской точки зрения) неприличное место и сразу решил, что это и есть причина названия! Хотя на деле это совсем другая и очень сложная история...

ВГ: Довольно смело!

ЮК: Да. Сам он считал и называл себя лингвистом. Но ряд лингвистов-профессионалов, которых я встречал, не признавал его лингвистом. Я знаю, что Борис Иванович, чтобы дать возможность Колоколову как-то свести концы с концами, просто заработать, согласился читать его переводы.

ВГ: Как это, читать?

ЮК: А вот, послушайте. Вероятно, это были переводы текстов каких-нибудь юаньских времён (т.е. монгольской династии Юань, 1271-1368). Зная особенности Всеволода Сергеевича, он всё думал – какую формулировку использовать? И, наконец, нашел её. Его резолюция была такой: «Читал. Панкратов». Понимай, как хочешь!

Теперь, должен Вам сказать, что, совершенно неожиданно для себя, разыскивая следы своего отца в лагерях, я обратился в Казахстан, потому что знал,

---

(1933-1939). Сотрудник УТК им. Сунь Ят-сена в Москве. Преподаватель МИВ (1931-1942), ВИИЯ (1942-1957), ВДШ МИД СССР (1939-1955). Сотрудник ИВ АН СССР (с 1945). Редактор 4-томного Большого китайско-русского словаря (М., 1976-1978). Лауреат Государственной премии СССР (1982)

что первый лагерь, куда его привезли, был Карлаг. Мне тогда посоветовали обратиться к женщине, которую зовут Екатерина Борисовна Кузнецова, и с которой я до сих пор переписываюсь. Оказалось, что она – урожденная Колоколова, племянница Всеволода Сергеевича! Я узнал об этом потом, уже после того, как у нас завязалась переписка.

ВГ: Это была дочка его брата?

ЮК: По-моему, да. Я не знаю точно, как звали брата, но, по-видимому, да. Она мне что-то написала, когда я ей сказал, что узнал о её родстве с В.С. Колоколовым, и что работал с ним, она, кажется, откликнулась словами: «Как тесен мир!»

ВГ: Вы сказали, что в годы учёбы были почти уверены, что после окончания у Вас не будет работы по специальности. Как сложилась Ваша жизнь после окончания университета?

ЮК: А после окончания она довольно гладко сложилась.

ВГ: Удалось ли Вам устроиться на работу по специальности?

ЮК: Да, да.

ВГ: Можно рассказать об этом подробнее?

ЮК: Сейчас расскажу. Это было так. Я кончил в 1954 году, благополучно защитил диплом. Он не красного цвета, но, во всяком случае...

ВГ: Хорошо защитили?

ЮК: Да, безукоризненно! Отметки были хорошие, и меня рекомендовали в аспирантуру на кафедру Древнего Востока. Поэтому моим вторым официальным руководителем стал Василий Васильевич Струве³⁵, с которым я жил вполне душа в душу. Хотя китайские дела его не очень интересовали, он, видимо, надеялся, что

---

³⁵ Струве Василий Васильевич (1889-1965). Востоковед, египтолог и ассириолог. Академик АН СССР (1935). Преподаватель ЛГУ (1916-1934). Заведовал египетским отделом Эрмитажа (1914-1933). Директор, завотделом Древнего Востока ИВ АН СССР (1958-1965)

там, в Китае, тоже «найдутся» рабы. Но, по-моему, он ждал напрасно. То есть, рабы нашлись, но они, похоже, ничего никогда в Китае не определяли.

ВГ: Когда Вы поступили в аспирантуру, неизбежно встал вопрос о теме диссертации. Как Вы решали этот вопрос?

ЮК: Я сейчас вспоминаю. Вспоминаю, какая у меня была тема. Я не помню сейчас, какая у меня была тема.

ВГ: «Сыма Цянь – историк падения династии Цинь»?

ЮК: Да.

ВГ: Вы сами придумали эту тему?

ЮК: Да. Но я... понимаете, это всё связано с тем, чем занимаешься перед этим, когда дело идет к концу. Потому что чем-то более или менее серьёзным я стал заниматься в конце. А так, я начинал с истории России и писал, по-моему, студентом работу по Пересветову,³⁶ о временах Ивана Грозного.

ВГ: Но Сыма Цянь не только про падение династии Цинь писал. Почему Вы сфокусировались на этом?

ЮК: Потому что я это лучше знал. Я выбрал так, чтобы мне это было как-то легче, чтобы не пришлось всё начинать с нуля.

ВГ: То есть, Вы подошли к этому прагматично?

ЮК: Да. Скорее, старался взять на себя то, что мне по силам. Вообще, должен сказать, что в моей жизни так происходило очень многое. Как выяснилось, по натуре я не способен абстрактно готовить себя к чему-то, к каким-то великим битвам. Я занимаюсь темой, и к этой теме «подгребаю» материал, какие-то знания. У меня только один был тяжёлый случай: с книжкой, с двухтомником «Янь те

---

³⁶ *Пересветов Иван Семёнович* (2-я пол. XVI в.; годы жизни неизвестны). Философ, писатель-публицист, один из ярчайших представителей русской общественно-политической мысли XVI в.

лунь» (Спор о соли и железе).³⁷ Вот к этой теме я не был подготовлен. И она далась мне нелегко. Потому что там был достаточно специфичный язык...

ВГ: Это была и Ваша докторская диссертация?

ЮК: Нет. Фактически, я перевёл памятник с очень большим комментарием, и на этой основе сделал докторскую, которую защитил в виде научного доклада. Собственно говоря, это была книжечка примерно в 40 страниц, где я отвечал на вопросы, которые возникли в ходе работы над этим переводом и докладом или статьями, которые я писал, в частности, для конференции «Общество и государство в Китае».

ВГ: Говорят, что плох тот китаевед, который не мечтает когда-нибудь побывать в Китае.

ЮК: Да. Я мечтал об этом.

ВГ: А как состоялась Ваша первая встреча с Китаем?

ЮК: Моя первая встреча с Китаем началась с моей встречи с московским директором. По-моему, это был директора ИВАН³⁸. В ноябре 1988 года я участвовал в 1-м съезде ВАКИТ, где выступил с докладом. В перерыве между заседаниями я, по совету московских товарищей, подошёл к начальнику, от которого, как мне сказали, зависели поездки в КНР, и побеседовал с ним о том, чтобы меня тоже послали туда. Он велел мне пойти к моему директору Ю.А. Петросяну и предложить тому включить меня в список лиц, намеченных для отправки на стажировку в КНР. Он разрешил мне сослаться на себя. Это было больше четверти века назад, и я совершенно не помню, кто это был. Наверно, наш

---

³⁷ Хуань Куань. Спор соли и железе / точнее, о казенных монополиях на них/(Янь те лунь) / Пер. с кит., введ. и коммент. Ю.Л. Кроля. М.: Восточная литература. 2001. В 2-х тт.

³⁸ Директором ИВ АН СССР в те годы был М.С. Капица

директор М.С. Капица³⁹... Это был конец (ноябрь) 1988. Потому что в 1989-1990-м годах я был в Китае. Скажу Вам сразу, что я туда попал после расстрела 1989 года на площади Тяньаньмэнь. И этим расстрелом, конечно, моя встреча с Китаем была омрачена.

ВГ: Это было в первый раз, когда Вы попали в Китай?

ЮК: Да, в первый раз. Я приехал в Китай в сентябре 1989 года, а вернулся через полгода, в марте 1990. И я помню, как меня в кампусе Пекинского университета, недалеко от ворот, остановил какой-то парень-китаец, который сказал: «Вы откуда?» Я говорю: «Я из Ленинграда». Он говорит: «Зачем Вы приехали? Зачем?» «Я приехал потому, что это – моя специальность, у меня просто не было другой возможности повидать эту страну». Он выслушал, и я не знаю, как он к этому отнёсся. Боюсь, что, без энтузиазма. Возможно, он считал, что все должны бойкотировать Китай.

ВГ: Почему же так поздно произошло Ваше первое свидание с Китаем? Судьба?

ЮК: Вы знаете, было такое выражение – «инвалид пятой группы»?

ВГ: Ну да, то есть, пятая графа личной анкеты?

ЮК: Да. Национальность.

ВГ: Но ездили же туда другие коллеги, даже с «пятой графой»?

ЮК: Ну, возможно, они были партийные. Я не знаю, кто, зачем и почему ездил.

Кто ездил – Рифтин Борис⁴⁰? Он был партийный, вступил в партию в какой-то

---

³⁹ *Капица Михаил Степанович* (1921-1995). Ученый и дипломат. Д.и.н. (1958), профессор (1960), членкор АН СССР (1987). Сотрудник МИД СССР (с 1943). Чрезвычайный и полномочный посол СССР (1960). Директор ИВ АН СССР (РАН) (1987-1995)

⁴⁰ *Рифтин Борис Львович* (1932-2012). Китаевед, литературовед, переводчик. Д.филол.н.(1970), член-корр. АН СССР (1987), академик РАН (2008). Окончил вост. факультет ЛГУ (1955). Научный сотрудник ИМЛИ (1956-2012). Главный научный сотрудник Отдела литератур Азии и Африки. Крупнейший в мире специалист по литературе Китая, стран Дальнего Востока и Центральной Азии. Труды по древнекитайской мифологии, фольклорной традиции и средневековой литературе Китая

момент. И вообще, Борис был очень ярким, талантливым человеком. Про себя я таких слов сказать не могу. Какой был – такой и был.

ВГ: Конечно, это очень драматично – заниматься несколько десятилетий Китаем и попасть туда только в 1989 году. Как Вы восприняли эту первую встречу? Волновались?

ЮК: Для меня вообще волнительно было, как я смогу жить в Китае. Ведь я же никогда не говорил по-китайски! Сначала я надеялся на Ксану Кепинг⁴¹, Ксана (Ксения) Кепинг родилась в Китае. Но ей тогда было едва ли до меня. Она из репатриантов. Занималась тангутским языком, как раз была аспиранткой Яхонтова. Яхонтов вывел в доктора целый ряд людей, но сам так и не стал доктором, хотя он бесспорно заслуживает этот титул. Тут двух мнений быть не может.

ВГ: Вас послали в Китай вместе с Кепинг?

ЮК: Да, нас вместе послали... Вообще, я сам «выбил» (точнее, обеспечил) эту поездку на стажировку для группы лиц, включая себя. То есть, у нас в ЛО ИВАН, не было даже нужных анкет. Нам нужно было не то что незаполненную анкету получить, а хотя бы где-то скопировать её. И меня послали за этими анкетами в Москву, где я познакомился с какой-то довольно милой женщиной. Не помню, в каком министерстве это было. В общем, мне надо было взять пачку этих анкет (или хоть одну, незаполненную, чтобы размножить их для заполнения теми, кто у нас оформлялся в Китай). Так что, для меня встреча с Китаем началась со встречи с московским начальником, а затем с москвичкой в министерстве, двумя незнакомцами, которые, спасибо им, отнеслись ко мне доброжелательно.

---

⁴¹ *Кепинг Ксения Борисовна* (1937-2002). Китаевед, тангутовед. Д.филол.н. (1987). Родилась в Тяньцзине (Китай). Окончила востфак ЛГУ (1959). Работник ЛО ИВ АН СССР (с 1959). Ведущий научный сотрудник ИВР РАН

ВГ: Правильно ли я понял, что ленинградцам-китаеведам было труднее попасть за границу, чем москвичам? Почему?

ЮК: Конечно! Дело в том, что была централизация. Все возможности были централизованы в Москве. И, конечно, москвичи хотели ездить. А, один раз поехав, они хотели потом ещё и ещё раз, и так далее. Это было и интересно, и выгодно. А мы были вне этого состязания. Я помню свой разговор с московским начальником (которого счёл директором), видел его впервые и не запомнил его фамилии. Помню только, что подошёл к нему в перерыве между заседаниями съезда в 1988 года, представился и сказал:

– Послушайте, я работаю в своём институте очень давно, моя специальность – Китай, а я там не был ни разу!

– Да что вы говорите?! – отвечает он.

– Вот так! Меня ни разу не посылали!

– Хорошо, пойдите к своему Петросяну⁴² (директору ЛО ИВ РАН), и скажите ему, что – да, Вас надо послать.

– А я могу на Вас сослаться?

– Пожалуйста!

Я так и сделал. Думаю, что в голове у Петросяна промелькнули мысли: «А откуда он знает этого начальника? Может, у него есть “связи”?» Думаю, поэтому Петросян не послал меня подальше, что он мог бы сделать в другом случае. И он меня «теоретически» поставил в какую-то воображаемую или реальную (?) очередь в иностранном отделе. А до этого – ну, куда меня не посылали! Помню, мне пришло приглашение из Голландии. Там, в университете, сдавал свою

---

⁴²Юрий Ашотович Петросян (1930-2011). Тюрколог, профессор, д.и.н.(1970). Науч. сотр. ЛО ИВ АН СССР с 1956. Заведовал ЛО ИВ АН СССР в 1963-1996

кафедру следующему заведующему А.Ф.П. Хюльзеве⁴³, это крупнейший специалист по ханьскому праву. Он также первый перевёл циньские законы на английский язык. У меня есть его книжка. И мы с ним сдружились на расстоянии, насколько это возможно. Переписывались, у меня от него довольно много писем. Он меня пригласил приехать на церемонию передачи кафедры своему преемнику. Но Иностраный отдел отказал, хотя приглашающая сторона все оплачивала.

Кстати, о письмах и переписках! Как выяснилось, в Америке нет архива Херрли Глесснера Крила⁴⁴, который был крупнейшим американским учёным. Меня свёл с ним Дерк Боддэ⁴⁵. Это был его приятель и коллега. Во всяком случае, меня тоже интересовали ханьское, китайское государство и право. Я получал от Крила статьи и письма, и сам опубликовал по-английски статью о ханьском праве в журнале «Тун Бао». В 1936-1939 годах Крил преподавал в Чикаго историю и китайский язык в качестве ассистент-профессора (доцента). Там же он стал профессором в 1940 году. Когда я посетил США в 1994-1995 годах, то спросил (у американцев): «Интересно, у вас тут большой архив Крила?» Оказалось, такого архива нет вообще! Никто не берёт ничего, никто не обращал на это внимания. А у меня есть его письма! И я мог бы «облагодетельствовать» их. Но, раз у них нет интереса, то зачем?

ВГ: Мы обязательно поговорим ещё про границу. Пока же хочется спросить про Вашу аспирантуру. Вы учились в ней три года?

ЮК: Это были 3 года, с конца 1954 по 1957 год. Моё поступление в аспирантуру – тоже драматичная история, потому что меня туда не взяли! То есть, меня рекомендовали, я сдал экзамены, и у меня была на сей раз пятёрка «внутри» за

---

⁴³ *Anthony Francois Paulus Hulsewè* (1910-1993) выдающийся синолог, специалист в области древнекитайского законодательства

⁴⁴ *Herrlee Glessner Creel* (1905-1994) выдающийся американский синолог, профессор Чикагского университета

⁴⁵ *Derk Bodde* (1909-2003). Американский синолог и историк, профессор Пенсильванского университета

каждый ответ. Но мне и Саше Кондратьеву из моей группы пришёл отказ по каким-то кадровым соображениям. Мол, не хватает мест, не дали их финансового обеспечения. Это было мне странно, казалось, как же это могло быть? Мы же официально были рекомендованы, сдавали экзамены, проходили конкурс на эти места. Я потом месяц жил в Москве и добивался правды. И добился! Меня взяли, в конце концов. Конечно, мне помогали, как могли, другие – коллеги и не только. Б.И. Панкратов и В.В. Струве⁴⁶ особенно, и Востфак, конечно. Помню, как декан академик А.Н. Кононов, образно объяснял «торможение» в моём деле тем, что в Москву не направили ещё от нас бумаги в мою поддержку: «Понимаете, начальственная рука повисает в воздухе (ей не на что наложить резолюцию)!» Потом я обратился к одной весьма авторитетной и уважаемой московской даме, известной своей справедливостью и отзывчивостью – Екатерине Павловне Пешковой. У неё просто могли быть связи с теми людьми, от которых это зависело. Сам я не знал людей, с кем нужно в данном случае иметь связи. Уж не знаю, чьё вмешательство мне помогло, но, в конце концов, меня взяли в аспирантуру.

ВГ: Это хорошо. Я забыл спросить, с кем Вы учились в одной группе? Есть ли среди Ваших одноклассников известные китаеведы?

ЮК: Известные китаеведы? Борис Вахтин⁴⁷, который был известен и как литератор. Мы учились в параллельных группах одного курса. Он был китаист-филолог и работал в нашем институте. Мы вместе с ним и другими товарищами, впятером сделали каталог китайских ксилографов, хранящихся в фондах нашего ЛО ИВАН.

---

⁴⁶ Струве Василий Васильевич (1889-1965). Востоковед, египтолог и ассириолог. Академик АН СССР (1935). Преподаватель ЛГУ (1916-1934). Заведовал египетским отделом Эрмитажа (1914-1933). Директор, заведомо Древнего Востока ИВ АН СССР (1958-1965)

⁴⁷ Вахтин Борис Борисович (1930-1981). Китаевед, писатель, к.филол.н.(1959). С 1962 заведовал Дальневосточным кабинетом ЛО Института народов Азии

ВГ: Что было после окончания аспирантуры? Вас плавно перевели в сотрудники, или тоже были какие-то сложности?

ЮК: Не было, спокойно перевели... Дело в том, что если «мышка пробежала», значит, она уже пробежала.

ВГ: С тех пор Вы уже более полувека работаете в одной и той же научной организации?

ЮК: Я вообще в других никогда не работал. Единственное время, когда я уезжал, это была пора стажировки. Я провёл полгода на стажировке в Китае, это были 1989-1990 годы. Я был также потом на конференции в Финляндии, где узнал о расстреле на площади Тяньаньмэнь. Это было такое потрясение для всех, кто участвовал в конференции! Там были и китайские учёные.

ВГ: Стажировки – это не уход с места работы, а просто временный отъезд, командировка. В целом, выходит, что Вы служили только в одном институте.

ЮК: Да, только в ленинградском Институте востоковедения. Сейчас он называется Институт восточных рукописей.⁴⁸

ВГ: В Вашем послужном списке указано, что в 1960-1970-е годы Вы занимали должность «члена бюро исторической секции». Что это за «Бюро», и чем оно занималось?

ЮК: Дело в том, что у нас в институте были «секции»: языка, литературы и истории, чтобы люди одной специальности, занимающиеся разными странами и языками, были в какой-то мере объединены друг с другом и не теряли связи. И я был членом бюро исторической секции. Руководительницей этой секции была член-корреспондент АН СССР Н.В. Пигулевская.⁴⁹ По-моему, туда входили ещё

---

⁴⁸ *Институт Восточных рукописей* (ИВР РАН). С 1956 – *ЛО ИВАН*. В 2007 переименован в ИВР РАН. Официальный сайт: <http://www.orientalstudies.ru>

⁴⁹ *Нина Викторовна Пигулевская (Стебницкая)* (1894-1970). Историк, членкор АН СССР. (1946). Изучала страны Ближнего и Среднего Востока и Византии в раннее средневековье

Виктор Морицович Штейн⁵⁰, и Вадим Александрович Ромодин, я с ними общался и разговаривал. Кстати, Штейн оппонировал мне во время защиты моей кандидатской диссертации. Тогда я был в Бюро практически единственным сравнительно молоденьким, 1931 года рождения. Мне было 32 года в 1963, т.е. в год моей защиты. В общем, «Бюро» было организационным центром, который планировал общеинтересные заседания, объявлял о них, проводил конкурсы, и т.д. ВГ: Структура ЛО ИВ АН немного отличалась от структуры головного московского института. Поэтому интересно узнать разницу.

ЮК: Да. Я был членом ещё одного бюро. Это было в «Географическом обществе». Во всяком случае я состоял в Бюро Географического общества потому, что оно, в числе прочего, занималось и Востоком. Теперь уже лет 9, а может меньше (с какого года, не помню) я там больше не состою – после выхода в свет в 2005 году «Стран и народов Востока» вып. XXXII, чьим составителем, ответственным редактором и одним из авторов я являюсь. Я вышел из Бюро по чисто личным причинам – по состоянию здоровья.

ВГ: Интересно, как складывались Ваши отношения с РГО (Русское Географическое Общество)? Московские китаеведы живут как-то дальше от этой организации, а питерские – ближе.

ЮК: Хотя московские китаеведы живут и дальше, но когда нужно было «протянуть лапу», они это сделали.

ВГ: Как, всё же, складывались Ваши отношения с РГО?

---

⁵⁰ Штейн Виктор Морицевич (1890-1964). Китаевед, экономист, юрист, историк. Д.э.н.(1936), профессор (1945). Финансовый советник Национального правительства в Китае (1926-1927). Преподаватель ЛВИ, ЛГУ и др. (1917-1947). Науч. сотр. ИВ АН СССР (1935-1964. Немалую часть этого времени он был в заключении. Судя по данным в Интернет, 16.12.1950 Штейн получил 10 лет лагерей и был в заключении до 1955, в 1956-1962 возглавил Дальневосточный кабинет в ЛОИВАН. Был реабилитирован, восстанавливался в партии. О нём см. статью Ю.Л. Кроля в «Письменных памятниках Востока» 1(10). 2009, с.219-221, или статью О.Л. Фишман

ЮК: У меня были хорошие отношения с ним. Не могу сказать, что ходил на все заседания РГО, но я туда ходил. По-моему, меня туда рекомендовал Виктор Петров⁵¹. Во всяком случае, именно Географическое общество отмечало потом память Виктора Петрова. Именно оно посвятило два выпуска (XI и XXIX) «Стран и народов Востока» Б.И. Панкратову и его трудам, устраивало заседания и в его честь, и в его память. Повторяю, я вышел из руководства РГО по личным причинам. У нас в РГО были приличные люди! Кстати, в своё время, членом императорского географического общества был и русский анархист Кропоткин. Ему не повезло, он предпочел бы, наверное, какую-нибудь другую власть.

ВГ: У вас в институте работала Изольда Циперович. Можно немного рассказать о ней?

ЮК: Изольда, да! Мы её звали Зита. Зита Циперович⁵², она была когда-то закадычной подругой Ольги Лазаревны Фишман⁵³, Ляли Фишман. Но Ольгу Лазаревну к нам взяли, может, хотя бы отчасти потому, что она пыталась восстановиться или была восстановлена в партии (это предположение). Она потеряла членство там из-за мужа, которого посадили. Но он, в конце концов, вернулся живой, хоть и больной. И восстановилась. Видимо, для «партийной» другой дороги не было, кроме как восстанавливаться в партии. А Зиту, у которой тоже посадили мужа (В.А. Вельгуса, см.ниже), на научную работу не брали. Она была допущена только в библиотеку. Её не пускали дальше, и мне передавали разговор в администрации, что это делается по «пятому пункту»

---

⁵¹ *Петров Виктор Васильевич* (1929-1987). Китаевед-филолог, литературовед, переводчик и педагог. Окончил востфак ЛГУ (1951). Преподаватель востфака ЛГУ (1951-1987). Член Союза писателей СССР (с 1957)

⁵² *Изольда Эмильевна Циперович* (1918–2000) к.филол.н.(1969), сотрудник библиотеки ЛО Института востоковедения РАН (филиал БАН) (1967-1998)

⁵³ *Фишман Ольга Лазаревна* (1919–1986). Китаевед, литературовед, д.филол.н.(1965). С 1958 – науч. сотр. ЛО ИВ АН СССР

(национальность). «Нам и так говорят, что у нас перебор» (т.е. слишком много людей с этим пунктом в институте).

ВГ: А чем занималась, что исследовала Циперович?

ЮК: Во-первых, Циперович очень активно занималась переводами. Они много переводили вместе с Вельгусом⁵⁴ и другими. Её муж, Виктор Андреевич Вельгус (1922-1980), был яркой фигурой среди ленинградских китаеведов. Это был очень одарённый человек, замечательно знавший китайский язык. Его отец-китаец, по фамилии Чжоу, умер в 1922. А мать – в 1924 году. Вельгус родился в Москве. Сироту усыновила и увезла во Владивосток (1927) китайская семья – У Чэн-дун и его жена. А оттуда они перебрались в Китай (1929), где мальчик жил и учился в деревне в провинции Шаньдун и потому говорил по-китайски с легким шаньдунским акцентом. Потом жил в Шанхае, Циндао и Тяньцзине, работал и учился в китайских, русских и японских учебных заведениях. Особенно хорошо овладел японским и английским. Знание языков, которыми пользуются синологи, равно как и разных сторон жизни в Китае, впоследствии помогли ему стать видным китаистом. В 1946 году Вельгус принял советское гражданство, а в 1947 был письмом приглашён академиком В.М. Алексеевым преподавать китайский разговорный на Востфаке ЛГУ. Но жить в Ленинграде Вельгусу не разрешили, и некоторое время он работал на химзаводе в Молотове (Пермь). В марте 1948 года он был зачислен экстерном на 1-й курс Востфака, где одновременно преподавал китайский разговорный. Студенты были в восторге от своего «разговорника», а В.М. Алексеев радовался встрече «с будущим учёным». В 1948 году Вельгус стал ассистентом Кафедры китайской филологии Востфака. Он дружил со своими учениками и, не имея высшего образования, начал прослушивать вместе с ними полный университетский курс. Этому кладёт конец арест Вельгуса,

---

⁵⁴ Виктор Андреевич Вельгус (1922–1980). Китаевед, к. филол.н.(1967). Науч. сотр. С 1960 – Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение)

произведённый 28 апреля 1949. В ходе следствия его содержали во внутренней тюрьме УМГБЛО. Обвинялся он по ст. 58-1а,4 УК РСФСР. Обвинение по первой, самой тяжкой статье, отвёл военный прокурор, поскольку Вельгус, будучи китайским гражданином, не мог свершить «измены родине» – преступления против СССР. Тем не менее, ОСО при МГБ СССР приговорило его 4.02.1950 к 25 годам ИТЛ. Его направили в Степной лагерь №4 при МВД в Дзезказгане (Казахстан). В 1955 году постановление ОСО было отменено, а дело Вельгуса прекращено за отсутствием состава преступления. Так что, при жизни Сталина Вельгус подвергся необоснованным репрессиям. Поэтому часть наших синологов (и я в их числе) познакомилась с ним лишь после его реабилитации. Здоровье его было подорвано, надо было и учиться, и зарабатывать на жизнь. В 1962 году он экстерном окончил Востфак. По счастью, в нём просыпался талант переводчика художественных текстов. Он участвовал в переводе на русский язык китайских романов «Цветы в зеркале» и ряда повестей из сборника «Удивительные истории нашего времени и древности». Редактировал переводы «Избранного» от современного автора Чжао Шу-ли (1958). Далее сведения о Вельгусе расходятся.. Согласно статье о нём, доступной в интернете, с 1959 года он – научный сотрудник ЛО ИВАН и преподаватель ЛГУ. Затем поступил на работу в Институт этнографии АН СССР, в группу сектора Африки, возглавлявшуюся членом-корреспондентом АН Д.А. Ольдерогге. Основной темой его штудий стало «мореплавание». Точнее, плаванье в Индийском и Тихом океанах по китайским источникам, связи Китая с Африкой. При этом Вельгус уделял внимание этнографии Китая, его источниковедению и литературоведению, его истории, отождествлению древних китайских топонимов с местными иноязычными географическими названиями, а также изучению китайской средневековой литературы в рамках международного «Сунского проекта». По сведениям из отдела кадров Института этнографии (ИЭ), Вельгус работал там в 1965-1977, а

затем ушёл на инвалидность. Я склонен больше доверять сообщению из ИЭ. Публикации учёного, близкие тематике Сектора Африки о плавании по океанам, а также о китайских известиях о ней, в основном относятся ко 2-й половине 1960-х, а у меня в памяти не осталось, что он работал в ЛО ИВАН. Мне приходилось писать отзывы на работы Вельгуса. Он был очень толковый, одарённый китаист, и к нему у нас очень хорошо и уважительно относились. У него многие консультировались. У Вельгуса была чрезвычайно тяжелая судьба! Он был не из «послушеньких». Он то и дело демонстрировал характер, и, конечно, это не сходило ему с рук. За это с ним подчас злобно расправлялись.

Мне представляется, что его наиболее значительным вкладом в науку было то, что он сделал для «Сунского проекта», над которым работал в одно время с И.Э. Циперович (см. ниже), и две его книги: «Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (*Китайские источники ранее XI в.*)». М.-Л.,: Изд-во: «Наука», ГРВЛ, 1966. 302с.; а также «Средневековый Китай: исследования и материалы по истории, внешним связям и литературе» (М.1987, составлена И.Э. Циперович после смерти В.А. Вельгуса из его работ, и ею опубликована). Таков итог главных усилий на редкость одаренного учёного. Если бы ему не мешали!

А у И.Э. Циперович (1918-2000) на всю жизнь осталась обида, что Ольга Лазаревна Фишман её вот так бросила, и даже могла спокойно говорить о приёме кого-то другого в институт, когда она, Зита, всё ещё работает в библиотеке (а она работала там 30 лет, с 1967 по 1998 г.). То есть, Фишман не поддерживала её дружески, хотя они обе были ученицами Алексеева⁵⁵, и она считала себя ничем не хуже той. Защищалась Циперович не по китайским новеллам или романам, многие из которых переводила и исследовала, а по произведениям редкого жанра

---

⁵⁵ Алексеев Василий Михайлович (1881-1951). Крупнейший российский китаевед, академик (1929). Преподаватель СПбГУ(ЛГУ) в 1910-1951

малых форм (подборкам изречений под названием *цзацзуань*), которыми у нас, кроме неё, никто не занимался. Вот мнение нашего литературоведа Л.Н. Меньшикова: «Уже на службе в библиотеке она в 1969 году защитила, наконец, кандидатскую диссертацию, посвященную жанру *цзацзуань* в китайской литературе IX – XIX вв. Это исследование и перевод изречений разных времен, начиная от Ли Шан-иня [813-858], принесли ей славу первооткрывателя. А сама книга переводов, изданная впервые в 1969 году и неоднократно переиздававшаяся, пользуется заслуженным успехом...». По приглашению профессора Ива Эрвюэта (Париж) она так же, как и В.А. Вельгус, написала серию статей для «Сунской библиографии», опубликованной в 1978 году в качестве части международного «Сунского проекта», где подробно описана литература Сун (1960-1978). См. журнал «Письменные памятники Востока». (1)10.2009, с.213. Меньшиков также ставит в научные заслуги Изольде Эмильевне её вклад в библиотечную работу. В 1979-1981 годах она, как увлечённый библиограф, предприняла и возглавила составление сводных каталогов китайских и японских журналов в обеих наших столицах. Это пошло на пользу всем специалистам, заинтересованным в беспрепятственном доступе к публикациям в дальневосточной периодике 1920-1940-х годов. Кроме того, она информировала иностранных учёных о научной деятельности отечественных китаеведов в зарубежных периодических изданиях 1982-1983 годов. Ученица В.М. Алексеева, верная его памяти, она неустанно участвовала в «подготовке к печати залежей его трудов», которые публиковались с 1956 года, кончая его перепиской с Э. Шаванном, в котором он видел своего «учителя», а также письма П. Пеллио, «ближайшего его друга и единомышленника в науке». Она обнаружила эти письма в Париже. Публикации она предпослала своё предисловие и снабдила русскими переводами письма, написанные по-французски (1998). В 1987 году она также «собрала и опубликовала оставшиеся после В.А. Вельгуса статьи в книге «Средневековый

Китай: исследования и материалы по истории, внешним связям и литературе» (см. выше). См.: Л.Н. Меньшиков. Изольда Эмильевна Циперович (1918-2000) в журнале «Письменные памятники Востока»1(10), 2009. с.212-214.

Про О.Л. Фишман я могу мало что рассказать, потому что я немного помню. Близких отношений у нас не сложилось. Она была работающим синологом, занималась литературоведением. Причём ей импонировали идеи, которых я не разделял. Когда мы иногда разговаривали, или я читал её тексты, я чувствовал влияние взглядов академика Н.И. Конрада, от которых я был далек. Мне никогда не казались плодотворными поиски аналогов европейского «возрождения» или «просвещения» в истории китайской культуры. А Фишман с энтузиазмом восприняла эти идеи. Разумеется, это было её право учёного. Это не значит, что я не уважал Конрада, напротив! Его ученики-японисты внушили мне глубокое почтение к нему, как ученому японоведу и человеку. Мне довелось немного общаться с ним, и это произвело на меня большое впечатление. Но представление, что Китай и Европа проходили через одни и те же фазы культуры, осталось мне чуждо. Уж увольте!

(Звонок по телефону)

ЮК: Только что мне звонили по поводу одной книжки, которую мы сейчас пытаемся издать. У меня был двоюродный брат – зоолог и, одновременно, писатель, охотник и путешественник. Путешествовал по всей России, Сибири, Кавказу, Средней Азии. В самых разных местах он бывал, и очень хорошо ориентировался на местности. Но с ним стряслась настоящая беда! Пару лет назад он пошёл с мало знакомым попутчиком, который подвёз его на машине, за ягодой в лес. Дело было в июле, стояла жара. И этот попутчик его сильно обогнал. Ушёл вперед, а брат со своей собакой не мог так быстро идти, и они пошли сзади. Тот человек собрал ягоду, вернулся к машине и уехал, видимо, не удивившись тому, что его никто не ждет – брата нет на месте. Во всяком случае, он не придал этому

никакого особого значения. В итоге, мой брат выбирался из лесу с 11 июля, по моему, по 26 июля. Как раз тогда стояла такая жара, что горели торфяники, а у него не было ни еды, ни воды! Фактически, попутчик его бросил. Потом его бросила собака. Собаку он сначала ругал, а потом сказал: «Ну, что делать?! Я ведь тоже не выполнял своих обязанностей (хозяина), я же не мог её кормить!» Как ни странно, собака вышла на шоссе, по которому они приехали, и в конце концов «нашлась». Я не знаю, как это происходит, для меня это чудо какое-то! Моего брата искали, кто его только не искал – МЧС, группа друзей и прочих лиц. Нет человека!. В таком случае обычно через пять дней ставят крест на поисках. А он выжил! Он уже не мог идти, потому что ничего не ел больше двух недель. Он выполз на полянку, куда вышли незнакомые люди, собиравшие ягоду. Мой брат их окликнул, и они к нему подошли. И тут объявился его сын, который его тоже искал. Брат узнал своего сына по одежде, узнал ноги в знакомых брюках. После этой передраги брат очень долго приходил в себя, но это не отучило его от мысли, что надо перестать бродить, «что только это и называется жизнь». Он потом на Север куда-то поехал. В общем, всё это через два года его доконало, и он скончался. От него остались рассказы, частью опубликованные, а частью нет. Но мы, его друзья и родные, решили сделать сборник и опубликовать его. Мы убеждены, что это сделать надо. Брат, между прочим, был очень хорошим писателем. У него есть охотничьи рассказы, есть воспоминания о детстве и юности, о близких. Когда он был уже в преклонном возрасте, ему стали приходиться и мысли о смерти. В общем, есть, что печатать. И хочется, чтобы о человеке осталась память. Мы сейчас составили этот сборник и уже нашли издателя. Посмотрим, что нам удастся.

ВГ: Можно ли рассказать ещё про Михаила Фальковича Чигринского?⁵⁶ О нём мало что известно. Например, в каком году он умер?

ЮК: Чигринский был очень интересный человек. Я был на его похоронах. Он умер 27 марта 1999 года! Он не работал в нашем институте, но был связан с нашими изданиями, кое-что давал туда для публикации, или делал доклады. М.Ф. Чигринский был связан и с Колоколовым⁵⁷, и с Панкратовым⁵⁸. Он часто обращался к ним за советом, за консультацией. Он был добрый человек, жалел стариков и заботился о них. Знаю, что у него была хорошая голова. Он окончил истфак ЛГУ в 1951 году и, параллельно с учёбой на Истфаке, учился на Востфаке, где окончил несколько курсов. Диплом защищал тогда же на Истфаке, по земельной реформе в Китае. Им интересовались китайцы. Сведения о Чигринском посылал кому-то в Москву (для них?) Николай Пчелин, сотрудник Эрмитажа. Он был связан с Чигринским как со своим неофициальным руководителем.

ВГ: Мне лично этот человек интересен тем, что он занимался изучением Тайваня. Как и почему он занимался Тайванем?

ЮК: Почему он начал заниматься Тайванем? Думаю, примерно потому, почему и Вы стали заниматься Тайванем, хотя в отличие от Вас он там не был, мог только мечтать об этом. Потому что о Тайване у нас мало что известно.

ВГ: Но я-то прожил на Тайване целых 7 лет! А он?

---

⁵⁶ *Чигринский Михаил Фалькович* (1927-1999). Китаевед, к.и.н. (1993). Окончил истфак ЛГУ (1951). Специалист по этнической истории Тайваня и истории российского китаеведения

⁵⁷ *Колоколов Всеволод Сергеевич* (1896-1979). Китаевед, к.филол.н. (1935), профессор (1935). Родился в Кашгаре, Синьцзян. Окончил восточное отделение академии РККА (1920-1922). Преподавал в Военной академии РККА и МИВ (1922-1937), ИКП (1935-1937), Высшей спецшколе РККА (1939-1942), Военной академии (1947-1957), МГУ (1951-1954). Работал в КУТВ (1923-1924), УТК им. Сунь Ят-сена (1925-1927), ИВ АН СССР (1949-1979)

⁵⁸ *Панкратов Борис Иванович* (1892-1979). Востоковед, китаевед, монголовед, тибетолог. В 1916 окончил Восточный институт (Владивосток). Много лет жил и работал в Китае, где овладел китайским, монгольским, тибетским и маньчжурским языками. Преподаватель ЛГУ, научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР (1935-1942, 1948-1979)

ЮК: А он? Наверно, ему казалось, что там стоит приложить руку и подставить плечо, что-то сделать. Чигринский, я думаю, прочитал и собрал всё, что у нас тут можно достать было. Может, его сын или вдова смогли бы больше Вам рассказать. С его вдовой, Ниной Ивановной, я только что говорил. Вы можете с ней поговорить по телефону сами, компьютера у неё нет. А его сын Павел – врач, и он работал (а, может, и работает ещё) в больнице, которая находится недалеко от моего дома.

Я был на его похоронах и даже помню, что говорил там. Помню, что в нём было что-то артистическое. Однажды его пригласили на трибуну, чтобы сделать доклад на конференции «Общество и государство в Китае». А он не просто поднялся на трибуну, а, идя на неё, ещё в зале начал говорить. Это было впечатляюще, и я запомнил это. Я чувствую себя виноватым перед ним... Мы как раз готовили том Панкратова. Он в этом тоже участвовал, готовил материалы Панкратова по «Сокровенному сказанию»⁵⁹. Кстати, этот том вышел в 1998 году⁶⁰, в серии «Страны и народы Востока». Для нас это было важно. Ведь, как известно, Панкратов не был доктором, не был и кандидатом. У него не было этих учёных титулов. Он вместо этого работал то в посольстве, то в институте востоковедения. У него не было времени делать нормальную академическую карьеру. Но это был уникальный ученый по-настоящему большого масштаба, какие рождаются редко, бесконечно перегруженный множеством всяких занятий.

---

⁵⁹ *Сокровенное сказание монголов* (Юаньчао биши или Юаньчао миши – китайский перевод монгольского названия Монголын нууц товчоо; транслит. ISO 9 Monggul nighucha tobchiyan). Древнейший монгольский литературный и историографический памятник, ценный источник по истории монголов, их государства и его основателя – Чингисхана, а также по истории Центральной Азии XII-XIII вв.

⁶⁰ Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. Центр «Петербургское Востоковедение», 1998 г.

ВГ: Академик В.С. Мясников⁶¹ сообщил в своём интервью, что когда «неостепенённому» Панкратову исполнилось 70, внезапно обнаружилось, что он был почётным доктором 18 зарубежных университетов!⁶²

ЮК: Всё может быть! Я этого не знаю, но надеюсь, что Вы правы. Мне должны были бы сказать это, как его ученику и биографу. Большое Вам спасибо за то, что обратили моё внимание на слова Владимира Степановича, сказанные о Борисе Ивановиче! Очень многие у него учились – из известных у нас людей. В числе других – Ю.К. Щуцкий⁶³ и А.Н. Бернштам. На моей памяти у него было трое аспирантов – историков Китая. Я был в аспирантуре у него и у В.В. Струве⁶⁴. Обычно брали одного титулованного научного руководителя – у меня им оказался академик. Второй аспирант Б.И. Панкратова – А.С. Мартынов⁶⁵, третий – Ким Васильев⁶⁶. Он тоже был «панкратовский», Панкратов руководил и его диссертацией по «*Чжань го цэ*». У всех троих диссертации были в конце концов опубликованы в виде книг. С Мартыновым мы вместе готовили ту работу о пекинских *сехоуэй* для мемориального тома Б.И. Я должен показать Вам эту

---

⁶¹ Мясников Владимир Степанович (1931, м.р.Москва). Востоковед, китаевед, д.и.н. (1978), профессор (1982), академик РАН (1997). Специалист по истории российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Советник РАН, заместитель академика-секретаря Бюро Отделения истории РАН, председатель редколлегии научной серии «Научное наследие» РАН. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы

⁶² См. интервью с Мясниковым В.С. В кн.: Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами XX-XXI вв. / Под ред. В.Ц. Головачёва. Изд-во: ИВ РАН, Крафт+. М., 2014, Том I. С. 330

⁶³ Щуцкий Юлиан Константинович (1897-1938). Китаевед. Историк, филолог, литературовед. Д.филол.н. (1937), профессор (1935). Научный сотрудник Государственного Эрмитажа (1936-1937), Азиатского музея ЛО ИВ АН СССР (1920-1937). Репрессирован. Реабилитирован посмертно

⁶⁴ Струве Василий Васильевич (1889-1965). Востоковед, египтолог и ассириолог. Академик АН СССР (1935). Преподаватель ЛГУ (1916-1934). Заведовал египетским отделом Эрмитажа (1914-1933). Директор, завотделом Древнего Востока ИВ АН СССР (1958-1965)

⁶⁵ Мартынов Александр Степанович (1933 г.р.). Китаевед, к.и.н.(1975). Ведущий науч. сотр. ИВР РАН (с 1960). Окончил Востфак ЛГУ (1957). Преподаватель Востфака СПбГУ (с 1992)

⁶⁶ Васильев Ким Васильевич (1932-1987). Китаевед, к.и.н. (1966). Окончил востфак ЛГУ (1956), сотрудник Кабинета древнего Востока ЛО ИВ АН (1960-1987). Изучал древнюю историю Китая

книжку, раз Вы Панкратовым интересуетесь. Там был опубликован текст, достаточно матерный, но как ещё можно переводить китайский мат? Латынью для широких кругов «свободно владеющих» ею наших российских коллег, что ли? Поневоле приходится переводить матом, хотя бы для себя, пока не найдешь, как выйти из положения. Панкратов переводил «*сехоуэй*» (для себя, а не для публикации) на тот русский язык, который сейчас возбраняется печатать. А мы с Мартыновым не дали этим переводам пропасть для науки...

ВГ: Китайские недоговорки и иносказания...

ЮК: Да, недоговорки. «Иносказания» это, пожалуй из Прядохина. Между прочим, моя первая публикация о *сехоуэй* в «Journal of the American Oriental Society» (см.: Vol. 86, 1966, № 3, pp. 267-276) вся построена на материале анализа собранных и переведённых нашим учителем пекинских недоговорок. Сам он называл их, по-русски, поговорками. Я ни от кого не слыхал о статье ничего плохого. Без ложной скромности скажу – одни комплименты. И о ней с удовольствием вспоминал задним числом тот профессор Чонси Гудрич (тогда редактор «Журнала Американского Восточного общества»), который мне её заказал. Увы, он скончался в прошлом году!

ВГ: Кто из коллег по институту оказал на Вас наибольшее влияние в профессиональном плане, как коллега, единомышленник или друг?

ЮК: Одно время, смолоду, я дружил с Сашей Мартыновым. Но потом мы разошлись, и наша дружба ушла в прошлое. Его работы, я думаю, оказали на меня влияние. Мне и до сих пор они нравятся. Из москвичей у меня были добрые отношения с коллегами В.А. Рубиным, Л.С. Переломовым, А.А. Бокщаниным⁶⁷,

---

⁶⁷ Бокщанин Алексей Анатольевич (1935 г.р., Москва). китаевед, д.и.н. (1985), профессор. Окончил ИВЯ при МГУ (1958). Работал в Институте китаеведения с 1958 г., в ИВ АН СССР с 1961 г. Заведующий отделом Китая ИВ РАН (1990-2011). Специалист по истории династии Мин. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

Л.С. Васильевым⁶⁸, С.И. Кучерой⁶⁹, И.С. Лисевичем⁷⁰, и другими. Сейчас контакты сильно ослабели, хотя техника для контактирования сильно шагнула вперед. «Иных уж нет, а те далече...».

ВГ: А с Е.И. Кычановым, Вы не сотрудничали?

ЮК: Нет. С Кычановым у меня были весьма далёкие отношения. И, я полагаю, что он не очень меня любил.

ВГ: Простите, мы у себя в Москве находимся «вне контекста» ваших питерских отношений. Поэтому и задаём, быть может, неудобные вопросы. С другой стороны, это ведь тоже история. Поэтому и нужно смотреть на Ваши отношения с коллегами, как на историю. Кто ещё был для Вас весом, как китаевед, в ленинградском, да и в московском отделении?

ЮК: Из авторитетных в нашей науке ученых, живущих в Москве, хочу вспомнить Льва Петровича Делюсина⁷¹. Я глубоко уважал Льва Петровича, чья заслуга перед отечественным китаеведением, перед всеми нами, широко известна – это организация ежегодной конференции «Общество и государство в Китае». Почти

---

⁶⁸ *Васильев Леонид Сергеевич* (1930 г.р., Москва). Востоковед. Окончил истфак МГУ(1953). Д.и.н.(1974), профессор (1979). Главный научный сотрудник ИВ РАН/АН СССР (с 1956). Профессор ИСАА при МГУ, НИУ Высшая школа экономики (с 2007). Автор 2-томного университетского учебника «История Востока», 6-томного учебного пособия «Всеобщая история», учебного пособия «История религий Востока», ряда монографий и сотен статей по истории и культуре Китая, проблемам востоковедения и всеобщей истории

⁶⁹ *Кучера Станислав-Роберт* (1928, м.р. Львов). Китаевед, д.и.н. (1981), профессор (1998). Окончил Варшавский университет (1952). Аспирант Пекинского университета (1953-1960). Научный сотрудник ИВ РАН с 1967. Специалист по древней истории и археологии Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁷⁰ *Лисевич Игорь Самойлович* (1932-2000). Китаевед, литературовед. Д.филол.н. (1981). Окончил МГИМО МИД СССР (1955). Научный сотрудник ИВ АН СССР (с 1963). Преподавал в ИВЯ МГУ (1956-1959). Изучал литературную мысль Китая в древности и средневековье

⁷¹ *Делюсин Лев Петрович* (1923-2013). Китаевед, д.и.н. (1971). Участник Великой Отечественной войны (1942-1944). Корреспондент газеты «Правда» в КНР (1950-1953). Ответственный работник ЦК КПСС (1959-1965). Научный сотрудник и заведующий отделом Китая ИВ АН СССР (1967-1990). Интервью с Л.П. Делюсиным для проекта «Китаеведение – устная история» см.: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php> и <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

все мои приезды в столицу были связаны со встречами с ним этом уникальном форуме, где мы свободно высказывались, обменивались мыслями. узнавали профессиональные новости. В разговорах с Львом Петровичем я всегда чувствовал поддержку. Однажды он укрепил меня в решимости стоять на своём, отстаивая свои формулировки в статье на далекую от меня современную тему «К проблеме культурного наследия в современном Китае (заметки об антиконфуцианской кампании)» в журнале «Народы Азии и Африки» (1979, №2, с.51-75), над которой просто надругалась, извратив её, цензура, уже после того, как я подписал вёрстку. И я добился восстановления первоначального текста статьи, заявив, что сниму свою фамилию, и что авторство изуродованной статьи мне не нужно. Я особенно благодарен Льву Петровичу за то, что он, как «ответственный редактор», открыл дорогу двум важным для меня публикациям – моей книге «Сыма Цянь – историк» и первому тому моего перевода «Янь те лунь». Думаю, он был великим благом для меня, как китаевода, да и для всей отечественной китаеведной науки, которая обязана ему существованием своего ежегодного форума, с его уникальной атмосферой свободного высказывания и возможностью печататься в его материалах.

Я также очень уважал Рудольфа Всеволодовича Вяткина⁷², и нас сближала любовь к одному историческому лицу, к Сыма Цяню. Мы работали параллельно. Причём он считал, что я должен защищать докторскую по Сыма Цяню, но я этого не сделал. Сейчас я понимаю, что поскольку он сам не был доктором, то ему было непросто сказать: «Идите, защищайтесь по книжке “Сыма Цянь – историк”⁷³».

---

⁷² Вяткин Рудольф Всеволодович (1910-1995). Китаевед. Окончил ДВГУ (1939). Доктор Honoris Causa. Исследователь исторической мысли в Китае. Впервые перевёл на русский язык с комментариями большую часть «Исторических записок» (*Ши цзи*) Сыма Цяня (в 2011 перевод и полное издание всего труда завершено учениками Р.В. Вяткина). Преподаватель КВП, ВИИЯ, МИВ, МГУ (1939-1956). Научный сотрудник Института китаеведения (1956-1958), ИВ АН СССР (с 1958). Завотделом Китая ИВ АН СССР (1960-1967)

⁷³ Кроль Ю. Л. Сыма Цянь — историк, М., 1970.

Всякий раз, когда я приезжал в Москву, я всегда приходил к Рудольфу Всеволодовичу, и мы разговаривали на всякие волнующие нас темы.

ВГ: Как переводчик старых текстов, я знаю, что иногда можно по полдня обсуждать одно слово, в поисках его точного перевода. О чём Вы с ним говорили, обсуждали ли тексты, переводы, комментарии?

ЮК: Да, для меня некоторые вещи в переводах до сих пор остаются совершенно загадочными. Иногда он спрашивал меня, или я его про что-то, связанное с Сыма Цянем. Иногда мы обсуждали комментарии и тексты. Иной раз просто беседовали «за жизнь».

Кроме того, мы с ним встретились в 1968 году. Рудольф Всеволодович должен был приехать в Прагу на конференцию синологов, но не приехал. Из советской делегации не приехал ни один человек. Я не был членом делегации, но должен был участвовать в этой конференции, поскольку меня приглашал мой друг талантливый чешский синолог Тимотеус Покора⁷⁴, у которого я и остановился.

---

⁷⁴ *Timotheus(Timoteus) Pokora* – чешский синолог (1928-1985). Работал в Восточном институте (Институте востоковедения) Чешской АН и в Карловом университете в Праге, читал лекции в Гейдельберге (1965-1966). Ещё в гимназии (1938-1946) проявил способности к языкам, овладел английским и итальянским. Начал с изучения права в Университете им. Масарика в Брно. Затем занялся синологией. В Праге учился у Я. Прушека. Важнейшим объектом его изучения был период Хань (ханьские памятники философии, истории, биографии видных деятелей, социальные типы, историография и культура). Из философов изучал Ван Чуна, написал о нём магистерскую диссертацию (1954). Позже опубликовал ряд переводов из трактата Ван Чуна в виде книги на чешском языке (1971). После двух лет аспирантуры (1956-1957) в Пекинском университете решил написать диссертацию по творчеству Хуань Тяня (43 г. до н.э. - 28 г. н.э.), которого считал очень значимой фигурой и материалистом. В журнале АН Чехословакии “Archiv Orientalní” (далее ArOr) напечатал ряд статей о датах жизни Хуань Тяня (см.: ArOr 27(1959), pp.670-677; ArOr 29(1961), pp.652-657); о его стихах в прозе (или рапсодии) *фу* (Ar Or 28(1960), pp. 353-367). В 1963 подготовил и издал биографию Хуань Тяня (ArOr(1963), The Life of Huan T’an [by] Timoteus Pokora ArOr (31)1963, pp.1-79; Continued, pp.521-576). После ввода в 1968 советских войск в Чехословакию уволен из института. В 1969-1970 работал в Центре исследований Мичиганского университета по китаеведению, где завершил книгу: *Hsin-lun (New Treatise and Other Writings by Huan T’an (43 B.C.-28 A.D.) An Annotated Translation with Index by Timoteus Pokora [Синь-лунь (Новый трактат) и другие писания Хуань Тяня (43 г. до Р.Х.-28 после Р.Х.). Аннотированный перевод Тимотеуса Покоры с указателем (xi-xLix+414 сс.)]* Ann Arbor. Center for Chinese Studies. The University of Michigan. Michigan Papers in Chinese Studies

Тогда, в 1968 году, я зашёл к Рудольфу Всеволодовичу перед отъездом, так как ехал через Москву. Тогда ведь из Питера прямого поезда в Прагу ещё не было. И спросил его: «Вы не возражаете, если я присоединюсь к нашей делегации?» Он: «Да, пожалуйста».

ВГ: Несмотря на то, что Вы жили в Ленинграде, и несмотря на пресловутую «пятую статью», Вы один из немногих китаеведов советского времени, которые не «зависли» в советском вакууме. У Вас были активные связи с зарубежными китаеведами. Почему так? Вас выручало знание языка? Не было ли психологического, языкового барьера?

ЮК: Просто я довольно прилично знал английский. Психологический барьер – с кем-то был, с кем-то не было. Так всегда бывает: с кем-то находишь общий язык, а с кем-то не находишь.

ВГ: Зарубежные связи советских китаеведов простирались за три «заграницы», на три «внешних мира»: Китай, страны «соцлагеря» и дальнейшее зарубежье (капиталистический мир). Как Вы общались с коллегами в соцстранах?

ЮК: С гражданами соцстран у меня были хорошие отношения. Дружба связывала нас с Покорой в Праге. Это был крупный европейский учёный. Он интересовался буквально всеми аспектами изучения *Ши цзи*, в том числе вопросом о многочисленных интерполяциях в их тексте. В 1961 году Покора издал статью о

№20 [в серии Мичиганские научные труды по китаеведению, №20], 1975. Вернувшись на родину, оказался под нажимом партийных властей, не мог получить работу по специальности. Отдельные его тексты, в т.ч. переводы (иные даже с русского) печатались под псевдонимами, такими как E.Bayerlová, M. Čarnogurska, V.A. Černý, Jan Kalina и др. Позднее, примерно между 1961 и 1981, задумал написать работу об авторах «Ши цзи». Похоже, что в начале этого периода он ещё придерживался традиционного взгляда на Чу Шао-суня, как на простого интерполятора истории Сыма Цяня (См.: “The First Interpolation in the Shihchi” *ArOr* (29), pp.311-315). Но через 20 лет выпустил в Неаполе другую статью (см. далее текст интервью). Статью затем включили в VI том “Les mémoires historiques de Se-ma Ts’ien”, traduits et annotés par. Édouard Chavannes. Tome sixième, Paris: Ernest Leroux, 1969-1905; rpt. with T.VI, Paris: Librairie D’ Amérique et d’Orient Adrien Maisonneuve, 1969, pp.113-155 (par Timoteus Pokora. Bibliographie des traductions du *Che ki chapitres 48-130* non traduits par Édouard Chavannes dans les tomes I-V des *MÉMOIRES HISTORIQUES*)

первой из них, «The First Interpolation in the Shihchi»/«Первая интерполяция в *Ши цзи*» см. ArOr(29), pp. 311-315. За последовавшие 20 лет его взгляды на **вопрос об интерполяции** в *Ши цзи* изменились, и он опубликовал в неаполитанском востоковедном журнале другую статью “Ch’u Shao-sun the Narrator of Stories in the Shih-chi” («Чу Шао-сунь – рассказчик историй в *Ши-цзи*»), в которой назвал Чу Шао-суня не интерполятором, а «третьим автором ШЦ», чей вклад в ШЦ – *около 130 страниц*, а стиль отличается от стиля обоих Сыма (см. Annali dell’Istituto Orientale di Napoli. Vol.1981, pp.403-430). До самой смерти он повторял, что надеется написать книгу о «третьем авторе» ШЦ, «почти неизвестном науке», но пока следы этой книги не обнаружены. Я могу показать Вам только что изданный труд Ломовой и Покоры?⁷⁵ После безвременной кончины Покоры оставались его переводы из «*Ши цзи*» **Сыма Цяня**, и я, конечно, советовал Ломовой их, по возможности, издать. Но Ломова решила не просто издать, она решила их продолжить. Так появилась книга, можно сказать, «кирпич»: могучий, толстый том переводов. Думаю, что это просто крупнейший по размеру труд, благодаря которому чешский читатель сможет расширить свои культурные горизонты, получив представление о том, как выглядела традиционная китайская история, по образу и подобию которой писались «образцовые (или стандартные)» истории в Китае (*чжэн ши*) последние 2000 лет . А нынешний год – оказался годом, благоприятным для «*Ши цзи*» еще в одной стране Европы – в Германии. Там Ханс ван Эсс, который занимается не столько переводом, сколько исследованием *Ши цзи*, издал двухтомное сравнительное исследование труда Сыма Цяня и «Хань шу» Бань Гу (Hans van Ess. Politik und Grschichtsschreibung im alten China Pan-ma i-t’ung. Teil 1-2 .Lun Wen (Studien zur Geistgeschichte und Literatur in China 18 Wiesbaden: Harassowitz Verlag, 2014, 830 SS.). Напомню, что в 2010 году был

---

⁷⁵ Ломова Ольга (Olga Lomová). Китаевед, профессор факультета синологии, Карлов университет, Чехия

праздник на нашей улице, когда вышел последний (IX) том русского перевода «Исторических записок». Как мечтал Р.В. Вяткин, первым из языков мира (кроме японского), на который был полностью переведён труд Сыма Цяня, стал русский. К сожалению, не владея чешским, я не в силах оценить качество чешского перевода. Но фамилии переводчиков говорят за себя. Могу сказать только, что переведенные главы дают читателю хорошее представление об истории Сыма Цяня в целом, о плане *Ши цзи*, их разделах. Жаль, что раздел «Трактаты» иллюстрирован переводом лишь одной 23-ей главы – о ритуале, а «Наследственные дома» – всего 2-мя главами из 30. Но никто не обнимет необъятного. Да и книга имеет подзаголовок: «Избранные труды китайского историка». Том, изданный в Праге, называется “S”-ma Čchien. *Kniha vrchních písařů výbor z díla čínského historika. Vydala Univerzita Karlova v Praze:Praha, Nakladatelství Karolinum, 2012 (545 сс.)*. Это плод усилий двух синологов-переводчиков, каждый из которых, кроме переводов, вложил туда что-то своё. Ломова занималась выбором и расположением текстов, снабдила их примечаниями, составила указатель, написала введение. А Покора написал послесловие к чешскому переводу. Издание великолепное, роскошно иллюстрированное (работе над книгой явно способствовал исследовательский грант Центра китаеведения в Тайбэе)⁷⁶. Поскольку в нём участвовал мой покойный друг, скажу несколько слов о месте *Ши цзи* в творческих планах последнего периода его жизни. Но прежде отмечу, что в 1992 году я усматриваю первый признак изменения отношения к Т. Покоре в Чешской АН в лучшую сторону. В этом году АН наградила его золотой мемориальной пластиной Франтишека Палацкого – почетным знаком за заслуги, состоящие в содействии развитию общественных наук. Статья о Чу Шао-суне (1981), опубликованная в

---

⁷⁶ Вероятнее, «Фонд Цзин Цзин-го», восточноевропейский филиал которого базируется в Карловом университете

неаполитанском журнале под названием «Чу Шао-сунь – рассказчик историй в *Ши цзи*»⁶², начинается так: «Чу Шао-сунь, которого я после Сыма Тяня и Сыма Цяня, называю в моей будущей книге третьим автором ШЦ (=Ши цзи), почти неизвестен науке, хотя его вклад в ШЦ – около 130 страниц. Мы не можем сказать наверняка сколько, потому что его авторство не всегда известно. Кроме того, и это более важно, его вклад довольно сильно отличается по стилю от основного текста обоих историков Сыма. Это свидетельствует о необходимости тщательнее рассмотреть его подход к ШЦ»⁷⁷. Покора даже в год своей смерти подтверждал, что пишет книгу, в которой третьим автором *Ши цзи* будет представлен Чу Шао-сунь, на его взгляд, живший в период примерно 104-30 гг. до н. э. (см. *ibid.* 429-430). Немецкая исследовательница *Ши цзи* Доротея Шааб-Ханке обратила внимание на прямое указание самого Покоры, который в статье, опубликованной посмертно, в 1987 году, выражал намерение предпринять полномасштабное исследование вклада Чу Шао-суня в *Ши цзи*, и писал о своём исследовании – «моя книга “Чу Шао-сунь – третий автор *Ши Цзи*”, которая вскоре выйдет в свет (my forthcoming book, Ch’u Shao-sun – the Third Author of the Shih Chi)». Покора намекал на то же и в филологической заметке, появившейся в «Гун Бао» в год его смерти. См.: Timoteus Pokora. “Is Chung-cheng = “L’Impartial et Juste”? A Philological Note” (T’oung Pao. Vol. 71/1985/, pp.275-278). В Праге, исследовательница не нашла ни заметок, ни рукописи, связанных с этим проектом (см.<http://www.umass.edu/wsp/resources/profiles/pokora.html>).

Одни советские китаеведы знали Покору лично, другие по работам. Он очень много писал и печатал, а Рудольф Всеволодович Вяткин, как и большинство из нас, уважал Покору и ценил его как перспективного синоведа. И он решил

---

⁶² Ссылку на статью см. в примечании выше

⁷⁷ Timoteus Pokora. Ch’u Shao-sun... – the Narrator of Stories in the Shih – chi) “Annali Orientale di Napoli. 1981, p.403

попытаться помочь ему. Он послал ему приглашение приехать к себе в гости, чтобы поработать в московских библиотеках. На этом приглашении была указана должность ученого – и.о. главы Отдела Китая. Когда Покора обратился к чехословацким властям за разрешением на поездку в Москву, чехословацкая сторона переслала советской приглашение, выразив неудовольствие, что советский учёный поддерживает того, кого в ЧССР не одобряют. Дело это обсуждалось на партсобрании в Отделе Китая, причем из ЦК в Отдел Китая было заранее направлено указание, что нужно принять надлежащие меры. Вяткину вынесли выговор за потерю политической бдительности, и ему пришлось подать в отставку с административного поста. Мало того, ГРВЛ. Издательство «Наука» на 10 лет (1975-1984) прекратила печатать русский перевод *Ши цзи* Рудольфа Всеволодовича. Для него это был стресс. За время до лета 1984 года он перенёс 4 сердечных приступа и 3 удара. Каждый раз он попадал в больницу, где врачи ставили его на ноги и возвращали с «того света» за письменный стол, к его переводу. Как и Сыма Цянь, он жил только для того, чтобы завершить свой труд. Можно подумать, что для соцстран *Ши цзи* – «заговоренная книга». Слава Богу, русский перевод уже издан!

ВГ: Выходит, с Покорой вас сблизило занятие Сыма Цянем?

ЮК: Да, но не только Сыма Цянем. В последние годы жизни он работал в своеобразном жанре, который сам изобрёл: он собирал весь доступный материал по определённой теме, скажем, древнекитайским «холодильным установкам».

ВГ: То есть, о приспособлениях и способах хранения продуктов в охлаждённом виде?

ЮК: Да. Я уже не помню, как это звучит по-английски. Он многое писал по-английски. И у него был целый ряд таких статей, в том числе биографических, как об отдельных личностях, так и об их общих типах. Например, о тех, которые у нас, в переводах В.М. Алексеева, называются «скользящими говорунами». Это люди

определённого психического склада «*гу* (или *хуа*) *цзи*». Юмористы, как их обычно называют на Западе, игравшие роль шутов при дворах, которые умели блеснуть «красным словцом» и дать умный и дельный совет государю. Такие, как Дунфан Шо» и др.

ВГ: То есть, вас сблизил конкретная работа?

ЮК: Да, безусловно, мы сблизились на почве работы. После его смерти я продолжал писать его жене. Но она не знала русского языка, и я писал ей по-английски. А ей, наверно, переводили. Правда, она была с Покорой вместе в Америке. Но не уверен, что она хорошо знала английский язык. Затем я пытался найти его сына, когда был в Праге. Но не получилось, я же не знаю их нового адреса, который изменился за время, прошедшее после моего визита в 1968 году.

ВГ: Наверно, адрес можно узнать через Ольгу Ломову. Кроме Чехии Вам ещё приходилось бывать в Берлине, не так ли?

ЮК: В Берлине у меня были хорошие отношения с немецким китаеведом Фельбером⁷⁸. Правда, отнюдь не такие близкие, как с Покорой. Однажды он пригласил меня в Берлин, и я туда ездил. Он провёл долгое время в СССР, в Москве. Это было у них как «мандат» на карьеру. Советский Союз тебя любит – значит, всё хорошо. Фельбер написал одну хорошую экономическую книжку. Марксистскую, конечно. Когда-то он работал в институте Университета Гумбольдта, был там заведующим.

ВГ: Как Вы всё же оказались в Праге именно в 1968 году?

ЮК: В Прагу меня пригласил в 1968 году Покора. Просто пригласил к себе в гости. Я ехал сам по себе, мне сделали паспорт. Только одна вещь была, которая предвещала нечто, но я не понял этого предостережения.

---

⁷⁸ *Фельбер Роланд* – Родился ок. 2-й пол. 1930х, умер – в 2000х. Профессор Гумбольдтского университета в Берлине, ГДР/ФРГ (1970-2000). Область интересов – экономика древнего Китая, проблемы современного Китая и Тайваня. Автор многих работ по истории Китая в XIX-XX вв. и истории связей между Китаем и Германией

ВГ: Интересно, что это был за знак-предостережение?

ЮК: Когда мы проезжали через Польшу, с поезда сняли всех арабов. Вероятно, не хотели, чтобы они что-то видели. Иначе мне трудно объяснить это происшествие. В поезде, в вагоне международного класса места много, все встречаются в коридоре, делать особенно нечего. Там были всякие люди, и наши советские люди были. У меня был сосед по поезду, араб. Помню, я предложил ему яблоко, но он не взял. Вот его и сняли, как и других. Мы даже попробовали говорить: «Зачем вы его снимаете?!». В ответ на это нам сказали что-то маловразумительное. Но подтекст был такой, что, мол, нечего им там смотреть или делать. Точной причины я, конечно, не знаю. Мне никто не докладывал.

ВГ: В советское время Вы выезжали только в Прагу?

ЮК: Я был в советское время в Чехословакии и в ГДР, в Берлине. Да ещё час, а то и меньше, в Варшаве, проездом в Берлин. И я не помню, чтобы ещё куда-то ездил. А после развала СССР были поездки в Скандинавию.

ВГ: Судя по датам, и все Ваши активные и плодотворные поездки за границу, в капиталистический мир, были уже после развала СССР, когда внезапно пал «Железный Занавес». Китаеведы Запада обнаружили вдруг, что есть советские китаеведы. Два мира встретились, так?

ЮК: Нет. Китаеведы Запада знали, что есть советские китаеведы. По крайней мере, так было в моём случае, и не только в моём.

ВГ: В советское время Вы публиковались на иностранных языках?

ЮК: Да. Первая моя публикация была в Голландии, в «T'oung Pao», потом в Берлине, обе примерно в 1960-х годах. Статья была написана по-английски. Немецкий я не так хорошо знаю, чтобы на нём писать. А сейчас, и тем более, забыл.

ВГ: Но с немецкими китаеводами у Вас тоже были рабочие контакты?

ЮК: Да, были. В частности, с уже упомянутым Фельбером и с другими ... Он был очень «московский», дружил до некоторых пор с Виталием Рубиным⁷⁹. Приезжал по научно-государственным обменам. Его знали в Москве просто как своего.

ВГ: Немцы предложили издать какой-то сборник или провести конференцию?

ЮК: Нет. По-моему, меня пригласили прочесть лекцию о Сыма Цяне. Я прочёл. А у меня была написана статья, уже имелась в готовом виде. Я собирался напечатать эту статью в сборнике в честь Прушека. Но почему-то началось «торможение» этой публикации. Может, потому, что я без должного восторга отнёсся к историческим событиям 1968 года. И тогда я спросил Покору, как быть с этой статьёй. Он ответил, что пока юбилейный сборник существует. В результате, чтобы эта статья не пропала, я вынул её из этого сборника, и отдал немцам. Они же опубликовали её где-то в середине 1970-х годов, но не в сборнике, а просто в журнале. Не помню в каком, но где-то у меня есть оттиски этой статьи. Да! В журнале «Altorientalische Forschungen».

ВГ: Это была Ваша первая статья на английском языке?

ЮК: Нет, до того я опубликовал в Берлине по-английски большую рецензию на переводы из *Ши цзи* на европейские языки в “*Orientalistische Literaturzeitung*”, 60 Jg., 1965, №3/4 (март-апрель), S.117-129. Это и была моя первая статья на английском языке. Меня зовут Юрий. Вероятно, я тогда неправильно транскрибировал своё имя с помощью немецкого «йот», но ведь предназначена она была для ГДР. Сейчас я пишу с «Джей» (J), а можно писать с «игреком», «уай» (Y), через «ю» (Yury). Но я этих тонкостей тогда не знал. Меня в детстве когда-то просто звали «Джордж» или Юрий, **или Георгий**, поэтому я мог бы взять

---

⁷⁹ Рубин Виталий Аронович (1923-1981). Китаевед, к.и.н. (1960). Окончил Истфак МГУ (1951). Преподавал русский язык китайским студентам в Институте с/х (г. Новочеркасск, 1951-1952), референт по литературе о Китае в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР (1953-1968). Сотрудник ИВ АН СССР (1969-1972). Профессор Иерусалимского университета (1976-1981). Изучал историю философии древнего Китая

и «джи». Сейчас, когда составляют библиографию моих работ, оказывается, что в списке статей разного времени моя фамилия транскрибирована с разными инициалами.

ВГ: Кто-то заметил тогда эту Вашу статью за границей? Были ли какие-то отзывы на неё, или она стала просто «библиографическим фактом»?

ЮК: Не знаю, был ли какой-то отклик на эту статью. Но я подарил оттиск этой статьи одной даме по имени Майкл Найлан (Michael Nylan). Она в числе прочего и «Ши цзи» занимается. Она откликнулась, написала в ответ какие-то приятные слова. Не знаю, из вежливости, или нет.

ВГ: Ваша переписка с зарубежными синологами началась в советское время, или уже после?

ЮК: В советское время.

ВГ: Наверно, это было непросто?

ЮК: Слушайте, мне было плевать. Карьеры мне не нужно было делать. Один из путей был через коллегу, Дерка Боддэ. Когда он был жив, он сказал: «Юрий, Вы откликнулись на идеи Крила, опубликованные в его статье, и я думаю, что я Вас сведу». Помню, я позволил себе критическое замечание по поводу его мнения, что Сыма Цянь сочинял неаутентичные речи для тех, о ком писал в кн. Bodde, China's First Unifier. Так он вставил моё мнение в предисловие к переизданию этой книги и в письме сообщил мне об этом, а я получил первое издание в подарок от него.

ВГ: Выходит, рабочая эстафета уже пошла?

ЮК: Да, совершенно верно. Потом, когда я был в Америке, ко мне обратился Аллан Рикетт. Это ученик Боддэ, который сидел в лагере в Китае. Его арестовали, может, как-то в связи с Боддэ. Боддэ китайцы не тронули, а его посадили. Просто «подвернулся» американец-стажёр каким-то местным «гэбэшникам». Может, нашли что-то против него. Я не знаю подробностей, меня это не очень

интересовало. Рикетт сделал очень большой вклад в науку – полный научный перевод трактата «Гуань-цзы» на английский язык⁸⁰. Он тогда хотел посоветоваться со мной по части Гуань-цзы, прислал мне письмо, и я ему дал совет. Он отразил это в книге, написав: «Я обращался к Кролю». Потом он подарил мне эту книгу, так что я – счастливый её обладатель. Даже не знаю, есть ли она у кого-нибудь в Москве. Это было совсем не так давно.

Дерк Боддэ был мой друг. И когда он умер, я просил, чтобы моё письмо зачитали у гроба, на похоронном вечере. Я обратился к учёному, с которым он был связан, и который про меня мог только слышать, потому что я не помню, чтобы нас познакомили. Я написал ему, что хочу, чтобы моё письмо, посвящённое Боддэ, было зачитано на этой похоронной церемонии. И это было сделано.

ВГ: Судя по имеющейся у меня справке, Ваши «живые» контакты с зарубежной синологией активизировались после развала СССР. Как Вы для себя открыли этот мир, как произошла Ваша «живая» встреча?

ЮК: Например, встреча с Боддэ произошла, когда он приехал сюда. Мне сказали, что Боддэ сейчас сидит в читальном зале ЛО ИВАН, смотрит книжные выставки. Вообще, у нас почему-то не было объявлено, что он приехал, и встречаться с ним никто не шёл. Это было ещё в очень далёкое советское время, где-то в пятидесятых, когда «перестройкой» ещё даже «не пахло». И я пошёл сразу. Я сказал ему, что знаю его работы по «Ши цзи». Помню, что я специально ездил в Москву и переписывал их где-то в читальном зале. Переписывал его переводы. Боддэ был совершенно блестящий учёный. А жена у него – русская, Спешнева. Знаете, семья Спешневых – это старое дворянское семейство. Они были не то чтобы революционными, но всегда были настроены критически, не принимали существующую власть за ту, какой ей хотелось казаться. Один из Спешневых был

---

⁸⁰ Rickett W.A. Kuang-tzu. A Repository of Early Chinese Thought. A Translation and Study of Twelve Chapters. Vol. 1. Hong Kong, 1965

осуждён по делу Петрашевского. То есть, это русское полуреволюционное, или, скорее, до некоторой степени «вольнодумное» семейство ещё с давних пор, со времён Николая Первого. У меня, кстати, есть книга материалов с перепиской Петрашевцев, которую опубликовали, по-моему, в Иркутске. Боддэ был в поездке не один, а с женой, которой, конечно, хотелось съездить в Россию, где она давно не была. В своё время она уехала в Китай, там встретила с Боддэ, и они поженились.

ВГ: Эта Спешнева – однофамилица или родственница Н.А. Спешнева⁸¹?

ЮК: Ну, конечно! Николай Алексеевич Спешнев – родной племянник этой дамы.

ВГ: После этого Вы стали переписываться с Боддэ?

ЮК: Да. После этого Дерк Боддэ сразу назвал меня «другом»! Так что, всё это началось очень просто. У меня всегда было ощущение, что это люди, а не «черти с хвостиком». Я ещё в детстве встретил женщину, которая научила меня своему языку и очень многое мне дала.

ВГ: Наверно, этот личный контакт с носителем языка в детстве, этот первый «посыл» был очень важен психологически. После развала СССР Вы оказались востребованным, как китаевед? Вас приглашали читать лекции за границу?

ЮК: Да, приглашали. Но, будучи в Штатах, я и сам понимал, что это в моих интересах. Потому что, во-первых, мне хотелось посмотреть страну. Кроме того, я авансировал на это пятьсот долларов. Я купил ваучер (stand by voucher), который продавала авиакомпания «Дельта», и у меня было право свободно и бесплатно летать на её самолетах везде, кроме Аляски и Гавайев. Нужно только встать возле стойки, где выдают билеты, и сказать, что тебе нужно. Если есть места, то ты садишься на самолет в нужном тебе направлении.

---

⁸¹ *Спешнев Николай Алексеевич* (1931-2011). Китаевед, лингвист, переводчик, д.филол.н.(1987). Окончил востфак ЛГУ (1957), преподаватель ЛГУ с 1957. Профессор (1989), почётный профессор СПбГУ. Родился в г. Пекин

Я бы, конечно, и на Гавайи съездил, потому что там живёт один русский американец. Это тоже интересная история! Его семейство в своё время попало в Америку или в Канаду через Югославию. Там никто ничего не спрашивал, граница между США и Канадой запросто пересекалась. Учился он уже в Америке, в Соединённых Штатах. Его фамилия – Лёвин. Он сейчас живёт на Гавайях, жена его – японка, и у него «полосатенькие» дети, двое сыновей. Один из них – боксёр, а другой – не помню, чем-то занимается. Лёвин даже прислал мне фотографию, где он снят вместе с внуком. А сам он – из священнической семьи. И он даже просил меня посмотреть «свой храм» на площади Мира, где некогда было полно церквей. Но церкви снесли, и эта церковь не сохранилась. Сам он прошёл курсы богословского типа и из востоковедов подался в священники. Приезжал сюда, и, видимо, был принят в Москве вполне ласково. Имя он не сменил. Там он – отец Анатолий, а для меня по старой памяти – Анатолий Владимирович. Я даже его в одной своей публикации поблагодарил – он отредактировал английский текст моей статьи о сехоуэй из коллекции Б.И. Панкратова.

ВГ: Помимо Штатов, Вы бывали в Германии, Стокгольме, Париже. Это всё были научные поездки?

ЮК: Да. В Париж я поехал частным образом, но поездка была научная. И получилась она частным образом по недоразумению, потому что я выиграл деньги на дорогу в нашей организации, которая помогала выездам за границу. Они сказали мне об этом. Но коллега Ив Эрвэт, который пригласил меня как гостя, уже купил мне билет. И я решил, да будет так. Потом я пожалел, потому что он был не такой уж богатый человек. Сейчас его уже нет на свете. Он был хороший и очень порядочный человек, работал профессиональным синологом в одном из парижских университетов. Я познакомился с ним на международном конгрессе востоковедов в Москве. Могу показать Вам его книжки, он защитил диссертацию по Сыма Сян-жу. Однажды кто-то на службе мне сказал, что необходимо какое-то

фармакологическое средство, и я ему написал: «Не можете ли Вы прислать?» И он послал, но это лекарство завернули на таможне! Такой он был человек с высоким уровнем отзывчивости, добрый. Он, кстати, как будто, когда-то был связан с иезуитским орденом по образованию, по школе.

ВГ: Участие в Европейской ассоциации востоковедов (китаеведов) помогало Вам в профессиональных контактах с иностранными коллегами?

ЮК: Да, всё это имеет смысл. Но это – деньги. Дело в том, что я никогда их не тратил на собственные удовольствия. Я считал, что мне не дано никакое богатство – долларовое, фунтовое или ещё какое-нибудь. Я могу купить книгу, но тратиться на членские взносы не могу. Иногда их вносил кто-то другой, может, сами приглашающие вносили, меня это не касалось. Ко мне с этим не приставали. Меня пригласили быть участником. Я и сейчас, возможно, значусь где-то.

В Америке довольно долго существует журнал по Древнему Китаю «Early China». Я могу иногда заказывать его выпуски бесплатно. Последней, кто посылала эти журналы мне, была Найлан. Потом она перестала. Но не так давно она опять прислала журнал.

Сейчас я написал большую статью для них. Это вариант одной моей прежней статьи, которую мне предложила написать совместно мой покойный друг Доротея Кэрен (Dorothee Kehren), синолог, специалист по литературе и искусству из Бонна. К сожалению, жизнь её преждевременно оборвалась, и я издал написанное мной о Ян Юне в юбилейном сборнике в честь акад. Б.Л. Рифтина (См. *Jurij L. Kroll. "The Life, the Views and the Poem of Yang Yün"*. В кн.: Российский государственный гуманитарный университет. Труды Института восточных культур и античности. Вып. XXV. Китай и окрестности. Мифология, фольклор, литература. К 75-летию академика Б.Л. Рифтина. Под ред. И.С. Смирнова. – М. 2010, сс. 297-337). Но проф. Найлан очень хотелось включить статью в свой том, издаваемый в Калифорнии. Я предупредил, что кое-что в

статье переделаю. У меня появились два редактора – Найлан и профессор Грит Ванкэрбэргхен (или Ванкэрберген?) Griet Vankeerberghen. Они очень на меня наседали как редакторы. Я никогда раньше не видел, чтобы так тщательно редактировали. Кроме того, они мне напомнили наших старых «марксистских» цензоров, которые приписывали идеи. Но американские редакторы делали это не из идеологических соображений. Им просто казалось, что тут или там надо бы вставить что-то. Я так и написал: «Слушайте, Вы путаете редакторскую работу с авторской. Да, мне нужен редактор, потому что это – не мой родной язык. И нужно, чтобы это не мешало читать мою статью. А вы мне приписываете мысли, каких у меня сроду не было. Что вы делаете? Хоть бы со мной посоветовались!» Ну, объяснял, почему их исправление неприемлемо. Они обычно соглашались и делали по-моему, а иногда по-своему. Но спорить, переписываясь через океан – дело долгое и нудное. Лучше бы они воздерживались от крайностей редактирования! К тому же, на электронные контакты между Сан-Франциско и Петербургом уходила уйма времени. Иногда мне просто приходилось отказывать им – ну, не принимаю я этого! – или переделывать снова. В общем, приходилось отбиваться от них. Хотя, вообще, они доброжелательные, и многое спускали мне, полезно с ними было работать. Должен сказать, что и такое редактирование лучше, чем без редактирования, потому что я даже придумал целый ряд вещей, отвечая на их требования что-то вставить.

ВГ: Отлично понимаю Вас, потому что тоже имел похожий опыт работы с журналом «Early Medieval China». В итоге, я тоже очень благодарен американским редакторам, несмотря на всякие расхождения. В Вашей библиографии указаны 17 публикаций на иностранных языках. А как случилось, что Вас заинтересовала тема отношений китайцев с кочевниками – с хуннами (сюнну)?

ЮК: Я не знаю, как диктофон это выдержит.

ВГ: Выдержит! Выдержит!

ЮК: Меня обязали. Это было связано с известной Вам полемикой.

ВГ: Вы имеете в виду пограничные вопросы?

ЮК: Меня там не было, когда обсуждались эти вопросы. Но предполагалось, что эта тема может пригодиться. Зачем? Полагаю, что для ответного аргументирования. Поскольку с китайской стороны, видно, часто приводились исторические доводы. Что в таком-то веке на такой-то территории развевался такой-то «флажок».

ВГ: Как Вы к этому подошли? Чисто механически?

ЮК: Я не умею делать работу по чистому заказу. Это должно было стать частью меня, и мне должно было стать интересно этим заниматься, хотеться об этом думать и придумывать. И кое-что, наверно, придумалось. Потому что ничего плохого я об этой работе не слышал.

ВГ: Но тема-то интересная – *хэцинь чжэнцэ* 和親政策! Мне, например, было очень интересно, потому что я сам занимался сяньбийцами и, читая Ваши работы, многое почерпнул из них.

ЮК: Да, интересно, конечно! Спасибо, приятно слышать! Сейчас этими вопросами занимается Ковалёв Сергей. Он – общественный деятель, одновременно, справедливоросс.

ВГ: Вы занимаетесь китаеведением уже 60 лет, с 1954 года. Кстати, поздравляю с этим юбилеем! В связи с этим у меня есть сразу три вопроса. Чем Вы сейчас занимаетесь?

ЮК: У меня есть работа, которую я всё время откладываю, она посвящена ранним «образцовым» династийным историям *чжэн ши* 正史. Но эту тему я взял под нажимом обстоятельств. Я хотел взяться за публикацию собственных книг, одну

из которых предложил А.Р. Вяткин⁸², и я ему отослал «талмуд» из моих статей. А вторую публикацию будет курировать Ли Минь-бинь, это известный китайский профессор-русист в Пекине. Мы с ним были в добрых отношениях, и я подрядился к нему в серию «Китаисты мира».

ВГ: Что это за серия?

ЮК: Это серия, предполагающая издание моих избранных трудов, чей список я сам должен был составить. В него должны войти некоторые мои русские статьи, которые на языке оригинала в Китае не всякий прочитает. Сейчас их переводят на китайский язык, кусок перевода мне уже прислали. Я ещё не смотрел, потому что всё время что-то делаешь, как автомат. Я так устал от этого!

ВГ: Вы занимаетесь китаеведением уже 60 лет, полный астрономический цикл. Как Вы считаете, без ложной скромности, каково Ваше главное достижение в этой области?

ЮК: Не знаю. Но были вещи, о которых я могу сказать, что если есть Господь, то от него была удача. ... Первое, желая помочь Борису Ивановичу Панкратову, мы с Мартыновым предложили ему подготовить к печати его рукопись. Это собрание поговорок-недоговорок *сехоуяй* 歇后语, они назывались им ещё «пекинские поговорки», поскольку собирал он их в Пекине. Можно называть их и недоговорками (дословно их название значит – речение с недосказанной последней частью). В общем, я случайно построил их объяснение, которое не приходило в голову никому – ни в Китае, нигде. И больше про них в ту пору ещё никто и не писал. Я даже знаю одного французского учёного, который не стал ими заниматься, потому что это уже сделал я.⁸³

---

⁸² Вяткин Анатолий Рудольфович (1946 г.р.). Востоковед, к.и.н. (1978). Окончил ИВЯ при МГУ (1970). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1970). Главред журнала «Диаспоры» (с 2001). Специалист по истории Бирмы, стран Юго-восточной Азии и Китая. Сын Р. В. Вяткина

⁸³ См.: Кроль Ю.Л. Опыт классификации и описания структуры пекинских поговорок *сехоуяй* // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. Сборник статей. – М.: «Наука», ГРВЛ, 1969. С.194-203

ВГ: То есть, Вы сделали в этом случае своё открытие.

ЮК: Да, я как бы нащупал суть. Если желаете, могу изложить, в чём дело.

ВГ: Конечно!

ЮК: Это наличные в языке ходячие готовые сравнения. Они носят относительно стандартный характер и похожи на выражение «добрый молодец» в русском языке. Ходячее изречение может быть применено в разных ситуациях. Я назвал их словесно-мотивированные сравнения. Они представляют собой именно сравнения, в которых что-то сопоставляется с чем-то другим. И вместе часто получается смешно, поскольку ряды, к которым относится сравнение и его объект могут быть совершенно разные и даже очень далекие друг от друга. Они похожи в чём-то на изречения Сэмуэла (Сэма) Уэллера из «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса. Например: «Ехать, так ехать!» – как сказал попугай, когда кошка потащила его за хвост из клетки». Вот, такого типа.

Чтобы пояснить, что такое *сехоуэй*, Б.И. Панкратов указывал на европейское, в частности, в России, широко известное речение: «собака на сене – сама не ест и другим не дает». Действительно. Это словесно мотивированное сравнение: «собака на сене» – сравнение, а «сама не ест и другим не дает» – его словесная мотивировка. Причём его вторая часть в речи часто опускается. Обозначим первую часть *сехоуэй* символом Y, а вторую – символом Z, тогда *сехоуэй* вводится в речь по формуле некий X (есть или подобен) Y, т. к. про них обоих сказано Z. Так же опускаются (не договариваются) вторые части многих китайских *сехоуэй*. Построить сравнение можно и без словесной мотивировки. Но без знания словесной мотивировки, сравнение, т. е. первая часть *сехоуэй*, может быть непонятна. Чтобы такие речения были понятны, ваш слушатель должен их знать. В серьёзном словесно мотивированном сравнении вторая часть указывает на черты сходства двух явлений. Но ведь *сехоуэй* – шутки, остроты. Дело в том, что их форма даёт возможность применить приемы, обслуживающие остроумие

или создающие комическую ситуацию. В китайских *сехоуэй* особенно часто источником остроумия служит игра слов, поскольку в языке так много омонимов. Причем формула, по которой *сехоуэй* вводятся в речь, означает, что вторая часть их – Z – одновременно заключена в два контекста. Один – «внутренний», образованный сравнением Y и его мотивировкой Z, а другой – внешний, находящийся в общем контексте речи. Тот, к кому приложено сравнение, назовём его X. Вот пример из собрания Б.И. Панкратова: *чу-фан ды бай-шэ-р – вань-цзя[-р]* 廚房的擺設兒 - 盥(晚)架(嫁)[兒] «Кухонная обстановка очень бедная – только и есть, что полка для посуды». *Вань-цзя[-р]*: так говорят о вдове, женщине, которая второй раз (дословно – поздно) вышла замуж (после смерти первого мужа). См. Б.И. Панкратов. «Пекинские поговорки *сехоуэй*». В кн.: Страны и народы Востока Вып. XXIX. Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 1998, с. 234-235, № 384.

У нас был один московский автор, который написал хорошую книжку про эти *сехоуэй*. Но моё исследование появилось раньше, я не перебежал ему дороги. Его фамилия Прядохин ⁸⁴. Он – лингвист, его книжка называется «Китайские недоговорки и иносказания» ⁸⁵. Он собрал большой современный материал. У меня тоже есть современный китайский материал, поскольку я, когда был в Китае, покупал там бумажные томики с поговорками *сехоуэй* в мягких обложках. Я занимался пекинскими недоговорками, потому что мой учитель, Б.И. Панкратов, собирал именно пекинские. А Прядохин, сколько помню, собирал не только пекинские, а всякие.

ВГ: Выходит, Вы, как настоящий ученик, называете своей главной заслугой продолжение дела своего учителя!

---

⁸⁴ Прядохин Михаил Георгиевич (1925). Китаевед, к.филол.н(1969), доцент(1972). Научный сотрудник Института китаеведения-востоковедения АН СССР(1957-1961), преподаватель МГИМО-МИД(1960-1966), ИСАА при МГУ(1972-1985)

⁸⁵ Михаил Прядохин. Китайские недоговорки-иносказания. Москва, 1977

ЮК: Да, я считаю, что это было нечто вроде открытия. И именно поэтому это была удача. То, что я сделал с Сыма Цянем, думаю – что-то граничащее с подобной удачей. То есть, я заметил вещи, которых не замечали другие. Допустим, хоть это ещё не опубликовано даже, я могу рассказать вам, что это такое.

Сыма Цянь употреблял выражение *цзюньцзы* 君子 – «благородный муж», или, можно сказать, «царственный муж». Почему? Какое значение он этому придавал? В частности, он пишет, что *цзюньцзы* – им может быть человек высоконравственного поведения, который отличается определёнными духовными особенностями. Но им может быть и богатый человек. Казалось бы, богатство связано с погоней за прибылью. Какая же тут нравственность? Даже с конфуцианской точки зрения это несовместимо. Но Сыма Цянь не был чистым конфуцианцем. И вообще, он не был конфуцианцем, скорее у него есть элементы конфуцианства. Я считаю, что он близок к даосизму... Так какое отношение богатство имеет к нравственности? Почему он применял выражение «цзюньцзы» к такому, как Фань Ли, известному как человек, ставший купцом после того, как он был чиновником. Значит, на взгляд Сыма Цяня, натура у того была купеческая?. Занимаясь Сыма Цянем, я понял почему – через биографию его внука. Это была одна семья. И, как во всех хороших китайских семьях, там была семейная традиция. От одного к другому передавались мысли, идеология своего рода. Кстати, внук Сыма Цяня стал известен как человек, который сделал очень многое для распространения книги своего деда. В поведении этого внука Ян Юня я и нашёл ответ на вопрос – почему Сыма Цянь называл Фань Ли «цзюньцзы». Именно в словах Ян Юня оказалось что-то общее с идеями его деда. Ян Юнь был министром, потом его лишили должности и титула, разжаловали в простолюдины, и он стал земледельцем и купцом. Причём, как и Фань Ли, продавая зерно, по его собственным словам, «гнался за прибылью в одну десятую» урожая. Что хотел

этим сказать Ян Юнь? Думаю, он хотел дать этим понять, что он не «низкий человек (*сяо жэнь*)», а – «благородный муж (*цзюньцзы*)». Только Сыма Цянь прямо называл Фань Ли *цзюньцзы*, но не объяснял, почему. А Ян Юнь лишь намекал на то, что ведёт себя, как *цзюньцзы*, описывая своё поведение теми же словами, какие использовал его дед, говоря о Фань Ли. Купец, который «гонится за прибылью в одну десятую урожая», выжидает, чтобы можно было получить прибыль в одну десятую урожая, и лишь тогда продает зерно. Но ...

ВГ: Десять процентов – очень умеренная прибыль!

ЮК: Совершенно верно, очень умеренная прибыль. Вот что за этим стояло: и Фань Ли, и внук Сыма Цяня в погоне за прибылью *знали меру!* Сыма Цянь писал про Фань Ли, что он *цзюньцзы*. А что такое одна десятая урожая, с китайской точки зрения? Это столько, сколько даже царю пристало брать в виде налога с членов общины так называемых «колодезных полей» 井田. Значит, это нечто справедливое. И «колодезная община» вообще представляется символом устройства, в рамках которого осуществляется справедливое отношение власти к народу. И если какой-то купец ведёт себя так же, то он – *цзюньцзы*. Тот – царь, а этот – «благородный (царственный) муж», хоть и купец: он умеет сдерживать свою алчность, наступать на горло собственной песне! Оттого он и *цзюньцзы*.

ВГ: Что можно отнести к Вашим главным профессиональным разочарованиям? Что хотелось сделать, но не удалось, не успели, не смогли?

ЮК: На мне пока ещё много чего лежит! Я бы сказал, что для меня утомительна наша система планирования и отчётности. Я считаю, что человек должен работать, когда у него идёт и получается, а не насиловать себя. И должен отдыхать. Я сейчас не отдыхал два года. Почему? Со мной судьба сыграла злую шутку. У меня был неиспользованный отпуск, и у меня его отобрали! То есть, меня обязали принудительно уйти в отпуск в то время, когда никуда и не поедешь, даже зимой.

Я до сих пор не могу забыть, что у меня было это время, но у меня его забрали. Это разочарование!

Кроме того, я считал, что если моего отца-художника репрессировали, то я должен стараться, чтобы хотя бы имя сохранилось!

ВГ: И Вы посвятили своё время изучению его жизни и творчества?

ЮК: Я стал искать его произведения, потому что у нас дома ничего не осталось! Хотя я помню картину, которая висела у меня над кроватью. Они с мамой разошлись. Картина пропала во время блокады. Но друг отца, художник Василий Павлович Калужнин, сохранил некоторое количество его работ небольшого формата. И он прислал эти работы мне. Передал их через маму, когда они встретились после войны. Как он сказал: «Пусть знает, что его отец был художником». Небольшие работы у меня уже были. Но я никогда их по-настоящему не понимал и по-настоящему в них не вдумывался. Но когда передо мной встала задача (после того, как я прочитал следственные материалы), я решил, что буду искать, может быть, найду ещё какие-то работы отца. Первое, что я узнал – это у кого находится художественный архив В.П. Калужнина, в котором было несколько произведений моего отца. Оказалось, что у художника Юрия Исааковича Анкудинова. Это человек высокого благородства – он безвозмездно передал мне отцовские картины. Я потом могу показать их Вам.

ВГ: Спасибо! То есть, Вы посвятили своё время этому важному для себя делу изучения жизни и творчества отца, но это вошло в противоречие с рабочими отчётами?

ЮК: Я бы сказал, что это ещё не вошло в противоречие. Но я не уверен, что не войдёт, потому что это дело засасывающее. В частности, отец был иллюстратором детских книг. Писатель, Борис Яковлевич Фрезинский тоже великодушно подарил мне работы отца. Он занимался жизнью писательницы «Серрапионовой сестры» Елизаветы Полонской – автора детских книг, одну из которых иллюстрировал мой

отец. И вместе с её архивом у него оказались наброски, варианты иллюстраций отца. Мне предложили написать об этих иллюстрациях, и я согласился, хотя я не подготовлен – надо войти в тему, а для этого нужно время. У меня было бы это время, целый неиспользованный отпуск, но я его лишился! Как я уже говорил, пришлось уйти в отпуск в очень неудобную пору. И я до сих пор не могу этого забыть! Это настоящее разочарование!

ВГ: Но, наверно, всё же можно найти какой-то выход?

ЮК: Я очень надеюсь, что какой-нибудь выход я найду. В молодости у меня было больше наработок. Конечно, у меня и сейчас есть наработки. Но эти наработки надо превращать в публикации. А если ещё превращать их в публикации на английском языке, то всё вообще замедляется.

ВГ: Еще пара коротких вопросов. Как Вы считаете, чем наше российское китаеведение отличается от западного?

ЮК: Во-первых, тем, что у нас есть идеологический нажим на человека. Особенно сильным он БЫЛ в советское время. Сейчас стало гораздо легче, конечно. Прежде люди специально вставляли себе в диссертации цитаты из «классиков марксизма», которые им даже и не нужны были. Но они старались показать причастность своих исследований к официальной идеологии... Я считаю, что у нас существует какой-то нажим на мышление, который мешает, закрепощает, а не помогает. Во-вторых, хоть я никогда не был в положении западного учёного, но скажу так: у нас гораздо меньше учат самостоятельно думать.

В связи с этим я расскажу Вам историю о том, как писал статью по современности. У меня есть только одна статья по современности, которая называется: «К проблеме культурного наследия в современном Китае». (см. выше). Естественно, начальство меня подозревало в том, что я хочу уехать в Израиль. А как же иначе? А один начальник, замдиректора, когда узнал, что мы с женой вместе ходим в группу разговорного немецкого языка, даже спросил: «Вы

зачем немецкий язык учите? Как-то меня это беспокоит – зачем Вам это надо?» Ну, хочешь думать, так думай! После этого мы с ним были в ссоре, не здоровались, по его инициативе. Он перестал со мной здороваться, и я тоже перестал с ним здороваться. Никакой тёплой дружбы у нас с ним и раньше не было, но мы разговаривали, работали вместе всё-таки. Потом, в какой-то момент, он вдруг опять стал здороваться: «Здравствуй-здравствуй! А ты знаешь, что должен на институтском семинаре сделать доклад «Проблемы культурного наследия в современном Китае»? Видимо, задание было дано в целях, чтобы я оформил допуск в спецхран, а это могло помешать получить разрешение на выезд. Но это моя догадка, потому что прямо мне об этом не говорили. Я сказал: «Нет, не знаю! И что я в этом понимаю?» Он: «Ничего, мы тебе поможем!» И, вот, меня посылают в Москву, командируют в Институт Дальнего Востока, где был доступ к материалам по современному Китаю. Живу я на казённые деньги в Москве, потом возвращаюсь, и руководство устраивает мне доклад в Зелёном зале нашего института. Там сидели и представители райкома, и кто только не сидел, хотя я беспартийный. Я делаю этот доклад. И, вдруг, оказывается, что это хороший доклад, что для меня самого крайне удивительно. Ну, что я понимаю в современности? Не могу сказать, что мне очень понравился мой доклад, но там были показаны какие-то параллели, связи современного Китая с древностью. По существу, китайскому мышлению традиционно свойственно сопоставлять исторические фигуры разных времён. Например, ассоциативно сравнивать отдельных исторических деятелей с первым императором Цинь Шихуанди 秦始皇帝 – это же стариннейший китайский способ рассуждать и аргументировать. И я рассказал, как это было в древности, и что всё это дело идёт со времён Чжань-го 战国 (V-III вв. до н. э.), если не раньше. Это было чисто академическое выступление. Но представитель

райкома ничего плохого не сказал. Он же не в курсе, что у нас «варится каша», и что мы товарища «проверяем».

ВГ: Какова же «мораль» этой истории?

ЮК: Мораль такая. Когда мне потом сказали, что этот доклад надо превратить в статью, тот самый замдиректора сказал: «Покажи мне» Я сказал: «Хорошо». Но не показал, а послал в Москву, в журнал «Народы Азии и Африки». Оттуда статью понесли в ЦК КПСС. Это как раз был момент изменения взаимоотношений с Китаем, в частности, по вопросам границы. Это были восьмидесятые годы.

ВГ: И Вашу статью опубликовали...

ЮК: Не было бы истории, если бы её просто опубликовали!.. В общем, я приезжаю в Москву на конференцию «Общество и государство в Китае», делаю свой доклад, а в перерыве решил, что надо посмотреть статью, чтобы исправить одно неточное выражение. Я отправляюсь к редактору «Народов Азии и Африки» Лии Калёновой. Мне говорят, что редактора сейчас нет. Я тогда говорю сотрудникам редакции:

– Мне нужно только исправить одно место в корректуре статьи, которую она мне присылала. Вы мне можете эту статью дать?

– А какая у Вас статья?

– «К проблеме культурного наследия в современном Китае».

В итоге, мне выдают статью. Я начинаю искать то место, которое хотел исправить. Просматриваю текст и вижу, что это просто не та статья! У меня не было никаких общепринятых тогда штампов, с моей точки зрения, безобразных и оскорбительных и для науки, и для Китая, и для всех на свете. Но их насовали туда! Тогда я рассказал Л.П. Делюсину, что мне, не спросясь, изменили статью после того, как я уже подписал её корректуру. Он сказал мне: «Боритесь!» При этом Делюсин открыл мне глаза на совершенно явную причину того, что произошло. А дело было в том, что на уровне советского «райкомовского

сознания» всё написанное в статье было очень похоже на нашу идеологию, к которой они привыкли. Всё точно такое же, только географические названия и фамилии другие, потому что китайцы всё это у наших тридцатых годов позаимствовали! Тогда я решил, что мне эта статья совершенно не нужна, что это не по моей теме, и сказал в редакции:

– Хорошо, я снимаю статью.

– Вы не можете её снять!

– Я снимаю свою фамилию. Я этого не писал!

Тогда они начали бегать за мной. Потому что это был скандал – ведь статья была уже одобрена в ЦК! Вот такая случилась история. Статья была опубликована. Но что «потерял» при этом Мао Цзэ-дун? У него было три критерия практики, которые я честно изложил. И третьим критерием был научный эксперимент. «Научный эксперимент» они потеряли «по дороге», возвращаясь к моему первоначальному тексту. Всё остальное они восстановили так, как было у меня прежде.

ВГ: Без «научного эксперимента» Мао стал выглядеть как бы более ненаучно.

ЮК: Чёрт его знает! Во всяком случае, такая была история. Я тогда стольким людям сказал: «А говорят ещё, что нельзя писать о современности! Я написал то, что думаю, и никто мне и слова не сказал!» А оказывается, мне это всё без спросу заменили! Но после всё вернули опять, я выиграл войну нервов!

ВГ: Интересно. Вполне в духе того времени. Позвольте задать «крайний» вопрос: что бы Вы могли и хотели пожелать молодым китаеведам, дабы они знали, как можно стать хорошим китаеведом?

ЮК: Думаю, что необходимо усердие, в сочетании со свободой, раскрепощённостью мысли. Нужно побольше быть в контакте с миром, который велик, и в котором много разного. Надо также стараться использовать это на благо

своей науки, на изучение Китая. Потому что, конечно, у Китая огромное будущее, и это особенно ясно в наши дни.

ВГ: Спасибо большое! Позвольте пожелать Вам хорошего самочувствия и спокойствия, а также выполнить все дела, которые Вы запланировали!

ЮК: Это очень точное пожелание! Спасибо! Пожелайте мне распутаться с тем, в чём я запутался! Я только хочу Вас накормить!..